

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

ДОГМАТ КРОВИ

Сергей Степанов

Догмат крови

«Издательские решения»

Степанов С.

Догмат крови / С. Степанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835169-3

Исторический роман «Догмат крови» основан на реальных событиях, приковавших внимание всей России и всего мира. В марте 1911 года в пещере на киевской окраине было обнаружено тело подростка Андрея Ющинского. Загадочное убийство дало повод обвинить евреев в совершении ритуального преступления. Автор мастерски воссоздает ход расследования, сопровождавшийся устранением свидетелей, а в эпилоге с помощью архивных документов называет имя убийцы, которое осталось неизвестным современникам.

ISBN 978-5-44-835169-3

© Степанов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	14
Глава вторая	25
Глава третья	36
Глава четвертая	44
Глава пятая	54
Глава шестая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Догмат крови

Сергей Степанов

© Сергей Степанов, 2016

Корректор Е. Некрасова

ISBN 978-5-4483-5169-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

20 марта 1911 г.

Ничто не предвещало того, что перед окончанием Великого поста на окраине Киева завяжется клубок странных и удивительных событий, которые привлекут к себе пристальное внимание всего мира. Никто и предположить не мог, что Лукьяновка, Загоровщина, Верхне-Юрковская – названия, знакомые только коренным киевлянам, – в скором времени зазвучат на разных языках, понесутся точками и тире по телеграфным проводам в Европу, помчатся по гуттаперчевому кабелю, проложенному по дну океана, в Северо-Американские Соединенные Штаты, запестрят в газетах и журналах. Об этих событиях напишут десятки книг и статей, снимут фильмы. Сто лет минует, а дело это по-прежнему будет вызывать споры и будоражить умы.

И уж точно такого не могли представить двое мальчишек, бежавших по Загоровщине – обширному, поросшему кустарником и деревьями склону, любимому месту игр лукьяновской детворы. Был первый по-настоящему погожий день после долгой зимы. Снег еще лежал в ямах и под деревьями, но весна уже вступила в свои права. А еще было воскресенье, единственный день за всю неделю, когда не нужно идти в гимназию, зубрить латинские исключения и решать арифметические задачи из ненавистного учебника Малинина и Буренина с неизменным купцом, покупавшим на каждой странице столько-то пудов ржаной и столько-то пудов пшеничной муки. Причем, скотина, умудрялся каждой муки прикупить несколько сортов, так что приходилось ломать голову над его хитрыми торговыми операциями. Вся учащаяся Россия ненавидела купчишку из задачника и искренне желала ему провалиться под землю с его дурацким мучным лабазом. Воскресенье приносило свободу, и потому мальчишки были такими радостными.

– Петь, а Петь! Шо ты сделаешь со своей долей в гайдамацком кладе? – спрашивал младший.

Его товарищ, едва обернувшись, бросил снисходительным тоном, как подобало гимназисту второго класса в разговоре с приготовишкой:

– Я, Борька, куплю себе мотор, и не какую-нибудь рухлядь, а самую последнюю модель месье Луи Рено. Говорят, их целую партию приобрели для государя. Восемнадцать лошадиных сил!

– Не может быть! Ежели все восемнадцать лошадей запрячь цугом! Вот силища! Только хватит ли денег?

– Рено три с половиной тысячи стоит.

– Рублей? – ахнул Боря.

– А ты думал копеек! – отрезал Петя, негодуя на наивность приготовишки. – Будет языком трепать, добрались уже. Вот пещера.

Мальчишки остановились около дерева, выросшего на краю глубокой ямы. Ее стенки были размыты ручейками воды, стекавшей с ближайшего пригорка, на дне скопилась ледяная жижа вперемешку с прошлогодними бурыми листьями. Между обнаженными корнями виднелся лаз, наполовину закрытый подтаявшим сугробом. Петя сокрушался:

– И как это я запомнил, что здесь пещера? Мы с тобой все склоны зря облазили, а клад-то тут, больше ему негде быть! У меня есть верная запись, я тебе показывал, все сходится!

Мальчишки с жадным любопытством глядели на узкий лаз. Слухи о гайдамацких сокровищах издавна будоражили окрестную детвору. Из поколения в поколение передавались предания о том, как жгли шляхетские поместья ватаги Жилы, Шилы и Медведя, как лихо ворвался гайдамак Грива в Винницу. Но особенно захватывали воображение мальчишек подвиги запорожского казака Железняк и сотника Гонты. Сколько костелов и синагог разграбили казаки!

Сколько сияющих червонных перековало из сундуков шинкарей и ростовщиков в карманы широких казацких шаровар, сколько золотых перстней было снято с отрубленных панских пальцев, сколько пропито изумрудных подвесок, яхонтовых браслетов, жемчужных ожерелий! А что гайдамаки не успели прогулять, то сложили в кованый сундук и спрятали в пещере. Только не пришлось им увидеть своих сокровищ, потому что всех гайдамаков предал лютой казни польский гетман. Так и остался клад нетронутым.

– Там вода. Папаша заругает, если я сапоги попорчу, – сказал младший.

Петя даже спорить не стал с дураком. Внизу куча золота, а он о сапогах толкует! Ну да ладно, черт с ним, с трусишкой, другое запоет, как полушки не получит. Петя прыгнул в яму и, пачкая шинель о грязный снег, на четвереньках пролез в пещеру. Он зажег серную спичку и поднес к глазам узкую бумажку, которую обнаружил среди закладок журнала «Киевская старина», валявшегося на столе отчима: «Ця опись писана в Туретчини за Дунаем перед смертью, бо я уже умираю и уже последний. Помози, Боже, добрим людям найти наш клад, да не забувайте нас грешных бурлаков-запорожцев». Колеблющееся пламя спички освещало низкий свод и неровные глиняные стены. У входа образовалась лужа воды, в глубине было сухо. Через несколько шагов пещера заканчивалась тупиком. Справа была ниша примерно в аршин шириной и в три аршина длиной. Гимназист с разочарованием убедился, что в пещере уже кто-то побывал – на полу валялась смятая газета и грязное тряпье. Он повернул назад и при свете угасающей спички увидел слева от входа еще один ход. Пламя погасло, он ощупью пробрался в это разветвление пещеры и чиркнул вторую спичку.

Прямо перед гимназистом на расстоянии вытянутой руки сидела фигура в белых одеждах. «Привидение» – мелькнуло в голове. Окаменев от ужаса, он простоял несколько секунд. Фигура не шевелилась, и гимназист с облегчением подумал, что это соломенное пугало. Но уже в следующее мгновение он понял, что перед ним мертвец, поджавший под себя голые ноги и опустивший голову на грудь. Пламя догорающей спички ужалило пальцы, привело Петю в чувство. Он бросился к выходу и поспешно выкарабкался из ямы, едва выговорив пресекавшимся от ужаса голосом:

– Борька, там, кажись, мертвяк.

Приятель помчался сломя голову, не оборачиваясь, как будто за ними гнался покойник. Около высокой вербы, где Загоровщина незаметно переходила в Нагорную улицу, младший Борька кинулся в сторону своего дома, а Петя, пробежав вдоль покосившегося забора, свернул в Якубеновский переулок.

В свое время богатые застройщики накупили множество земельных участков на Лукьяновке, которую по всем расчетам ожидало блестящее будущее. Киев разрастался, за десять лет его население увеличилось почти вдвое. Отдаленные предместья постепенно приобретали городской вид. Лукьяновку часто называли Горой, а иногда киевской Швейцарией. Склоны Горы, изрезанные глубочайшими оврагами, ярами на малороссийском, были столь же живописны, как ущелья швейцарских кантонов. Предполагалось, что Лукьяновка превратится в фешенебельное дачное место, но застройщики упустили из виду лихую славу Горы. В заросших кустарником ярах скрывались нищие и бродяги; сюда не смела сунуть носа полиция, а если какой-нибудь настырный сыщик спускался в яр, например, в сырой и таинственный Бабий Яр, то потом его находили с проломленным черепом или не находили вовсе. Да и все приземистые, полуразвалившиеся мазанки, прилепившиеся к склону Горы, представляли собой сплошную воровскую малину. Добрая половина лукьяновцев кормилась вокруг фартовых ребят, занимавшихся грабежами в городе.

Имелись на Лукьяновке и церкви: святого Федора и святого Макария. Но гораздо больше было винных лавок и пивных. На Верхне-Юрковской улице монополька размещалась в единственном двухэтажном доме №40, а еще через шесть номеров была пивная Добжанского, а еще через четыре номера – опять винная лавка. Свои пивные и свои лавки существовали на при-

мыкавших к Верхне-Юрковской улицам Половецкой, Татарской и Печенежской, сохранявших в своих названиях память об ордах завоевателей, прокатившихся через Гору. А кто считал тайные шинки, торговавшие горилкой! Нет, решительно нельзя было строить виллы в такой пьяной и воровской Швейцарии! Вот и пустовали обширные усадьбы, приобретенные земельными спекулянтами. В некоторых из них были устроены глинища и кирпичные заводи, другие зарастали бурьяном. Так и жила Гора под сенью возвышавшегося поодаль Лукьяновского тюремного замка.

Был час дня, солнце светило вовсю, по переулку ходили люди, а Петю пробирал мороз по коже, когда он вспоминал темную пещеру и фигуру в белом. Около своего дома мальчик встретил отчима, служившего фельдшером при полицейском участке. У пасынка немел язык всякий раз, когда ему приходилось обращаться к суровому отчиму. Вот и теперь он, запинаясь и робея, попытался рассказать о страшной находке. Выслушав его сбивчивые слова, отчим проворчал:

– Выдрать тебя треба. Великий пост, добрые люди о душе думают, а он клад шукает. Пойдем, проверим!

Когда они подходили к пещере, гимназист удивленно сказал:

– Гляньте! Борька уже папашу привел. И городской там.

Действительно, у кустов ходили пожилой чиновник, Борькин отец, и городской Лященко. Городской, придерживая шапку из черной мерлушки с посеребренной бляхой и металлической лентой с трехзначным номером, полез в пещеру. Он пробыл там довольно долго, потом выбрался наружу и доложил:

– Так што небизчик. Мертвый хлопчик, – он мучительно поразмышлял над чем-то и прохрипел. – Треба в участок рапортовать.

– Сходите на станцию электрички, – посоветовал фельдшер, – оттуда можно протелефонировать, а мы посторожим пещеру.

Электричкой в Киеве называли трамвай, устроенный по новейшей системе Спрага, которая получила распространение в Америке. Долгое время город не имел средств передвижения, отставая в этом отношении не только от Петербурга, но даже от старушки Москвы и провинциальной Варшавы. Состоятельные киевляне держали собственные экипажи, а всем остальным приходилось ходить пешком. Однако Киев, как былинный Илья Муромец тридцать лет и три года сиднем просидел, а потом распрямился и весь свет удивил. В два-три года город обзавелся сразу конкой, паровыми локомотивами и электричкой. Правда, конка оказалась совершенно непригодной для киевских холмов. И хотя на особенно крутых подъемах в вагоны впрягали дополнительную третью лошадь, от этого было мало проку, потому что животные из последних сил преодолевали кручи и падали на колени в изнеможении. Паровые локомотивы продержались немного дольше. Пыхтя черным дымом, они весело катили по рельсам на ровных участках, но замедляли свой ход на подъемах и спусках. И хотя однажды такой локомотив в качестве опыта спустился по Александровскому спуску, проехал до Кирилловской и даже сумел самостоятельно вернуться наверх, всем стало ясно, что дни парового движения сочтены.

Конку и локомотивы вытеснил трамвай на электрической тяге. Генерал-майор Струве, построивший для города водопровод и мост, взялся устроить трамвайное сообщение, используя уже проложенные по улицам рельсы конки. Трамваи легко взбирались на холмы и ныряли вниз по склонам. Они без видимых усилий поднимались даже по Круглоуниверситетской улице, что казалось невозможным из-за перепада высот. Постепенно в городе появилось двадцать постоянных маршрутов и один загородный в Пушу-Водицу, где проводили лето состоятельные киевляне. По воскресеньям трамвай №19 приезжал с открытым прицепным вагоном, на скамьях сидели музыканты духового оркестра и играли для дачников бравурные марши. Кроме того, была линия на Дарницу за Днепром; по ней бегал трамвай на керосиновой тяге,

и его непочтительно окрестили «примусом». Лукьяновка также не осталась в стороне от прогресса; по изрезанной оврагами «киевской Швейцарии» трамваи добирались аж до Куреневки.

Пока городской ходил на станцию, фельдшер развил бурную деятельность. Осмотрев место преступления, он крикнул:

– Хлопчика звали Андреем Ющинским

– Как вы узнали?

– У ног лежит пояс с бляхой Софийского училища, а на оборотной стороне написана фамилия. Опять же в стене над головой имеется углубление вроде печурки, куда воткнуты тетради с той же надписью. Тильки чудно как-то! – усомнился фельдшер. – Пояс положен надписью вверх. Словно убийца хотел, чтобы сразу определили, кто убит. Чтобы, значит, ошибки никакой не было.

– Слушайте, ведь вокруг пещеры тоже разбросаны тетрадки с чьим-то именем, – воскликнул его приятель, поднимая обрывок синей обложки, на которой корявым детским почерком было написано «...ндрей Ющинско...».

– Ющинский? Ющинский? Где-то я недавно натолкнулся на похожую фамилию. Пойдите! Несколько дней назад в «Киевской мысли» было объявление о пропаже подростка. Не Ющинским ли его звали?

– Не знаю. Впрочем, сейчас будет у кого спросить.

К пещере приближалась толпа людей. Впереди бежала стайка мальчишек, за ними, зевая и крестя рот, шагал старший городской Осадчий, а за городским шествовали местные обыватели, привлеченные слухом о найденном на Загоровщине трупе.

– Що таке? – спросил Осадчий.

– Хлопчик убитый. Посмотрите сами, – предложил фельдшер.

– Поспим побачить як начальство придет, – флегматично отозвался старший городской.

Он отошел в сторону и закурил трубку, безучастно наблюдая за суетящимися зеваками. Между тем толпа становилась все гуще. Казалось, к пещере сбежалась вся Лукьяновка. Из пожелавших своими глазами посмотреть на тело образовалась длинная очередь.

– Пане городской, – обратился к Осадчему какой-то мещанин.

– Старшой городской, – важно сказал Осадчий, поправляя оранжевые плечевые жгуты, перехваченные тремя посеребренными гомбочками.

– Пане старшой городской, мы того хлопчика знаем, – сказал мещанин. – То Андрюшка-байстрюк, сынку Сашки Приходько. Вони туточки жили, писля съихали за Днипро. Сашка, вона, замуж вышла за Луку Приходько, переплетчика.

– Буде пустограить, – зевнул городской. – Пан околоточный приедут, протокол напишут.

Околоточный, которого пришлось вызывать из квартиры кумы, появился только час спустя. Он был сильно не в духе и, застегивая темно-зеленый кафтан русского покроя с прямыми бортами, посулил дюжину чертей вестовому, ожидавшему его в прихожей. На трамвайной станции, куда околоточный забежал, чтобы протелефонировать о происшествии приставу, он распек городского Лещенко и не переставал ругаться всю дорогу. Шагов за десять до пещеры околоточный, не в силах сдержать свой гнев, заорал:

– Осадчий, болван! Почему на месте преступления посторонние?

– Не могу знать, вашбродь, – засуетился старший городской, с которого слетела вся флегма. – Набежали откуда-то, бисовы дети!

– Гони всех в шею! Из пещеры гони, дурак!

Городовые оттеснили толпу. Околоточный, стараясь не испачкать в глине теплую шинель с каракулевым воротником, забрался в пещеру. Молчаливый Лещенко отодвинул труп от стены. Посветив стеариновой свечой, околоточный убедился, что заведенные за спину руки мальчика были связаны веревкой. Городской, которому было приказано проверить одежду убитого, вынул из кармана курточки обрывок ткани, вышитый красными и черными крести-

ками. Околоточный помял в руках находку и велел засунуть обрывок обратно. Когда они вылезли, околоточный приказал старшему городовому принести лопаты.

– Пристав-то наш, сам знаешь, каков! – пояснил он, для наглядности широко разводя руками.

– Вашбродь, неужто пана пристава к вечеру будем беспокоить? – изумился Осадчий.

– Болван, – цыкнул на него околоточный, – разве не знаешь, какое сегодня число! Кабы не это, стал бы я начальство тревожить!

Часам к четырем приехал пристав Рапота, дородный мужчина пудов десяти весом. Он встал на подножку пролетки огромными ступнями в сапогах с галошами, в которых имелись окованные медью прорези для шпор. Пристав рывкнул знаменитым на весь Киев басом:

– Почему допустили скопление зевак?

Околоточный надзиратель беспомощно пожал плечами, показывая, что несколько городских не в состоянии удержать толпу. Но это только раззадорило пристава.

– Потрудитесь доложить, что произошло!

Околоточный, взяв под козырек, начал было рапортовать, но пристав, не выслушав и двух фраз, сделал жест, означавший «Знаю уже все», и прошел к пещере. Там старший городской и несколько мобилизованных им лукьяновцев расширяли вход. Пристав несколько минут понаблюдал, как из-под лопат летят комья глины, а потом, потеряв терпение, отогнал копавших и полез внутрь, но тут же застрял. На выручку ему бросились городовые и после долгой возни вызволили начальство из подземного плена.

– Уф! – выдал из себя пристав, стряхивая комья глины. – Как там тесно!

– Ваш высокобродь, прикажите внутри расширить? – подлетел к нему старший городской.

– Оставь, – отмахнулся пристав и, обращаясь к околоточному, спросил. – Личность убитого установлена?

– Так точно. Местные жители определенно удостоверяют, что убит Андрей Ющинский, незаконнорожденный сын некоей Александры Приходько. В Софийское духовное училище, где он воспитывался, отправлен городской на предмет выяснения возраста и обстоятельств исчезновения их ученика. Кстати, вот еще одна свидетельница рвется, – прибавил околоточный, показывая на женщину, которую городовые не пускали к пещере.

Женщина, перехватив взгляд пристава, ловко выскользнула из-под локтя полицейского и оказалась перед начальством. По развязанным ухваткам ее можно было принять за типичную обитательницу киевского предместья. Но своей одеждой – длинным приталенным дипломатом – она отличалась от лукьяновских мещанок. Лицо ее было и вовсе необычным для здешних мест, матово-смуглым, цыганистым.

– Хочу засвидетельствовать, – бойко сказала женщина. – Если в пещере Андрюша, я его мигом узнаю.

– Хлопца уже опознали, – отозвался околоточный.

– Не случилось ли ошибки, – настаивала женщина.

Пристав, поняв, что любопытной особе было до слез обидно прибежать к шапочному разбору, когда полиция прекратила доступ к телу, сделал разрешающий жест. Женщина мгновенно исчезла в пещере. Спустя несколько секунд раздался ее голос.

– Точно он, Андрюшенька бедный!

– От оглашенная, погодь, – увещевал ее городской, полезший за ней со свечой, – як ты тут бачишь в темноте? Дай посвечу.

– Вижу, вижу! Без сомнения Андрюша!

– Тьфу, балаболка, – ворчал городской, вылезая вместе с женщиной, – тильки полицию беспокоит.

Женщина набросилась на городского.

– Выбирай выражения! Перед тобой не деревенская баба, а жена почтово-телеграфного чиновника. Я опознала мальчика по вороту рубахи. Там крестик белый, крестик красный. Я у Андриюшиной матери образчик брала, чтобы своему сыну на тот же манер вышить. Женька мой с Адрюшей были первыми друзьями.

– Ваше высокобродь, разрешите доложить, – старший городской Осадчий с таинственным видом наклонился к уху пристава. – Так што я эту особу знаю. Неодобрительного поведения.

– Кто здесь на Лукьяновке одобрительного? – рассеяно отозвался пристав.

Он прислушивался к разговору двух лукьяновцев и постепенно наливался гневом. Лукьяновцы стояли неподалеку от него, опершись на лопаты, и вели между собой приглушенную беседу.

– Пасха через двадцать дней, – вздыхал один.

– Точно, Пасха, – вторил ему другой.

– Геть, мерзавцы! Подберите свои поганые языки! – налетел на них пристав.

– Мы, вашбродь, ничего не знаем, – испугано оправдывались лукьяновцы.

– Еще раз услышу, насидитесь у меня в кутузке! – рявкнул пристав.

Наблюдавший за этой сценой околоточный надзиратель позволил себе усмехнуться в усы.

Пристав спросил его:

– Слышали, о чем эти скоты болтали?

– Ваше высокоблагородие... – вытянулся в струнку околоточный.

– Полно вам, – скривился пристав. – Прошу по-товарищески, без субординации.

«То-то, без субординации. А сам давеча меня с рапортом обрезал!» – подумал про себя пристав, но вслух ответил, что дело, сразу видать, поганое.

– Ох, поганое! – пожаловался пристав. – В Киеве еще ничего, а вот служил я на Волыни, так задолго до Христова Воскресенья начинаешь молиться: «Господи, пронеси!»! Поверите ли, как Пасха минует, всем участком неделю на радостях горилку трескали.

Полицейские помолчали. Пристав, искоса поглядывая на околоточного, спросил:

– Как бы нам это дело с рук сбить, ума не приложу?

– Сбить-то, пожалуй, можно, – задумчиво произнес околоточный.

– Неужто? – обрадовался пристав. – Научите, как это обставить.

– И очень просто, – уже увереннее сказал околоточный. – Я вообще полагаю, что это дело принадлежит до Плосского участка.

Пристав остановился в недоумении, потом в его заплывших жиром глазках мелькнула искра понимания.

– Здесь же граница двух участков!

– Верно изволили заметить, граница, – развивал свою мысль околоточный, – у нас в практике установилось: если имеются постройки, выходящие на Нагорную или Верхне-Юрковскую улицы, то это наш Лукьяновский участок, а если построек нет, то это Плосский участок.

Пристав обвел руками вокруг себя и радостно констатировал:

– Какие здесь постройки! Пустырь да яры!

– Были бы дома, тогда точно участок наш.

– Если бы постройки, то я бы слова не сказал. А так с какой стати мы будем к соседям лезть, – подтвердил пристав.

Сообразив, что неприятное дело удастся сбить с рук, он начал выговаривать околоточному надзирателю:

– Выходит, вы подняли переполох по ошибке. Хорошо еще, что быстро сообразили. Немедленно протелефонируйте Вышинскому, пусть этот польский выходец потрудится провести полицейское дознание. И настоятельно попросите, чтобы он немедленно прислал

из участка городских для охраны пещеры. Я своих людей ночью морозить не намерен. Утром отрапортуете о передаче дела в ведение Плосского участка.

Околоточный молча козырнул, подумав про себя: «Погоди, толстый боров! В следующий раз будешь своей головой соображать». Он предвидел неприятное объяснение с соседним полицейским участком и мысленно посылал тысячу чертей умчавшемуся на резвых конях начальству.

Его мрачные предчувствия не замедлили подтвердиться поздно вечером, когда после долгих препирательств и мелочных придирок он был наконец приглашен в кабинет пристава Плосского участка Вышинского. Пристав, известный щеголь и кутила, хваставший, что происходит из шляхетского рода, давшего миру знаменитого кардинала-примаса, даже не предложил околоточному сесть и в разговоре был до крайности холоден и язвительен.

– Прискорбно, что чины киевской полиции ведут себя, как хлопцы, которые обнаружили на меже мертвое тело и перетаскивают его из владений своего пана на соседнее поле, – цедил сквозь зубы Вышинский.

– В практике установилось... – начал было околоточный.

– Я сам знаю, что установилось в практике. С чего это пан Рапота стал таким формалистом в вопросе о границах между участками. Пасхи испугался, что ли? – попытывался пристав.

Околоточный возвел глаза к потолку, всем своим видом показывая, что он не смеет рассуждать о начальственных распоряжениях. Наконец, Вышинский понял бесполезность своих язвительных комментариев и перешел к делу, спросив, установлена ли личность покойного?

– Так точно. Ученик Софийского училища. В сопроводительных бумагах, адресованных вашему высокоблагородию, все указано. Пещера охраняется нашим постом до тех пор, пока вы не сочтете нужным прислать своих людей, – дипломатично ввернул околоточный.

– Судебным властям дано знать?

– Так точно. Я телефонировал исправляющему должность судебного следователя пятого участка. Только он... Сами извольте знать.

– Уж это точно. Господа судейские считают, что хлопоты – это удел полиции, а их дело прийти на все готовенькое. Мы будем бегать, высунув языки, а следователь раньше полудня не появится.

Все полицейские были искренне убеждены, что следователи и прокуроры так и норовят отпустить преступников.

– Они ю-р-ы-сты, – смачно выговаривая каждую букву, протянул Вышинский, – они о правах каторжников пекутся. А кто позаботится о семьях городских, которых разбойники, как каплунов, режут?

– Ну, в нашем участке, надо отдать должное Рапоте, с налетчиками никогда не миндальничали, – заверил околоточный, сжимая здоровенный кулак.

– Беда только, что киевская магистратура нас не поддерживает, – жаловался пристав. – Все руки обтрепешь, чтобы выбить признание, а чистоплюи в окружном суде этого понимать не желают. Есть у меня непутевый родственничек, сынок кузина Януария. Молодчику до тридцати лет некогда было курса закончить, связался с нигилистами, побывал в тюрьме. Хорошо, что опомнился, ходатайствовал о восстановлении в киевском университете. И надо же, ведь вчера еще висел на волоске, а сегодня он мне советует гуманно обращаться с подозреваемыми. Я его учу: «Брось, Анджей, свои теории, неприкосновенность личности и прочую марлехлюндию. Запомни – преступников били, бьют и всегда будут бить! Вот на чем зиждется храм правосудия, а не на учебниках по римскому праву».

Потолковав с околоточным о глупых придирках судебных властей, пристав отпустил его, а сам сел за письменный стол. Он подумал, что надо будет поскорее закончить все формальности и утром вручить бумаги судебному следователю. Вышинский прекрасно понял хитрость Рапоты, но успел прикинуть, что толстый сосед вряд ли выигрывает от своей уловки. Все огрехи

можно было запросто списать на Рапота и его дуболомов, оправдавшись, что ему, Вышинскому, пришлось принять окончательно изгаженное дознание и исправлять чужие ошибки. Относительно дальнейшего хода дела пристав совершенно не беспокоился. Он не первый год служил в Юго-Западном крае и нюхом чуял, что убийством в канун Пасхи будет заниматься не его участок, а сыскная полиция или даже охранное отделение.

Обдумав все это, пристав повеселел и взялся за сочинение рапорта судебному следователю: «На основании 250-й статьи Устава уголовного судопроизводства сообщаю Вашему Высокоблагородию, что около часа дня 20-го марта 1911 года гимназисты 6-й гимназии Борис Белошицкий, 10 лет, и Петр Элланский, 12 лет, проживающие на Лукьяновке, гуляя в усадьбе Бернера (где кирпичный завод, фронтоном усадьба выходит на Кирилловскую улицу, а задняя граница к Нагорной улице) в одной из пещер глубиною в сажень, в углублении – при входе в пещеру влево, обнаружили труп неизвестного мальчика, о чем сообщили своим родителям, а те чинам Лукьяновского участка, а около 7 час. вечера сообщили в Плосский участок. При осмотре оказалось, что труп в ночном белье, без сапог, в полусидячем положении, голова и грудь в крови, с разложенными ногами и связанными назад веревкой руками; над головой в углублении пещеры, найдены тетради и пояс с бляхой с надписью „ученика приготовительного класса Киевского духовного училища Андрея Ющинского“. Из забранных справок в училище (в ограде Софийского собора) видно, что Андрей Ющинский последний раз был в училище 11-го сего марта; мать его Александра Ющинская, мещанка, живет в Никольской слободке Остерского уезда. Об исчезновении сына заявила администрации училища 13-го марта. Покойному 13 лет от роду, поведения хорошего и аккуратно посещал училище. Труп охраняется до прибытия Вашего Высокоблагородия. Одновременно с сим сообщено об этом товарищу прокурора Окружного Суда, по участку».

Глава первая

26 марта 1911 г.

Исправляющий должность судебного при Киевском Окружном суде следователя по важнейшим делам Василий Иванович Фененко, подняв воротник шинели, шел по дорожке сквера. Дождь лил как из ведра, но следователь не обращал внимания на холодные струи. Он был погружен в невеселые размышления о переданном ему дознании об убийстве малолетнего Андрея Ющинского. Даже беглого знакомства с протоколом осмотра места преступления было достаточно, чтобы впасть в отчаяние. Чины полиции затоптали все следы, снежный покров при входе в пещеру был скрыт до основания, а труп отодвинут от стены и теперь трудно было определить его первоначальное положение. «И ведь каждый раз одно и то же! Талдычишь им, талдычишь: не прикасайтесь ни к чему до прибытия представителей судебной власти – как об стенку горох!» – раздраженно думал Фененко.

В протоколе судебно-медицинского вскрытия говорилось, что в желудке убитого были непереварившиеся остатки картофеля и свеклы. Это позволяло предположить, что мальчик был убит не позднее двух-трех часов после принятия пищи. Еще при осмотре белья убитого были обнаружены три волоса – черные, грубые, волнистые – явно из бороды взрослого мужчины. В остальном же протокол был на удивление бестолковым и небрежным. Фененко протелефонировал городовому врачу Карпинскому, производившему вскрытие, но в ответ на свои недоуменные вопросы выслушал сбивчивый монолог о том, что труп Ющинского было пятым за дежурство: «Да-с! Представьте себе, пятым! Я вам не ссыльно-каторжный!» Пришлось назначить повторное судебно-медицинское вскрытие и попросить об этой услуге самого опытного киевского патологоанатома, декана медицинского факультета профессора Оболенского.

Сейчас следователь направлялся в анатомический театр, и путь его лежал через большой сквер с хорошо шоссированными, сухими даже в дождь дорожками. Фененко вспомнилось, что во времена его студенческой молодости на месте сквера был пустырь, ночное прибежище грабителей, раздевавших до исподнего всякого, кто пытался сократить путь с Бибиковского бульвара на Шулявку. Быть может, прохожих грабили бы и по сей день, если бы бразильский император Дон Педро Второй, однажды осчастлививший своим визитом Киев, не подал бы мысль облагородить вид перед университетом. «Эх, Русь-матушка! Без бразильского императора даже сквера не догадались разбить», – вздохнул Фененко.

Потом, когда он уже был кандидатом на судебные должности, в центре сквера поставили памятник императору Николаю Первому в военной форме, опирающемуся на тумбу с планом Киева. На высоком постаменте были укреплены четыре барельефа, иллюстрирующие главные благодеяния, которые монарх оказал городу: строительство Университета, Первой гимназии, Кадетского корпуса и Цепного моста. Два барельефа вызывали в душе Фененко особенные чувства. Он учился в Первой гимназии, действительно первой в городе по всем предметам, а потом провел четыре незабываемых года в университетских стенах. При взгляде на громадный параллелепипед с восьмью высокими стройными колоннами, над которыми золотыми буквами сияла надпись «Императорский университет св. Владимира», у Фененко потеплело на душе. Много воспоминаний было связано с этими темно-вишневыми стенами в цвет ордена святого Владимира: убаюкивающая тишина малой и большой библиотеки, шумная разноголосица внутреннего двора, занятия по философии права.

Этот предмет вел приват-доцент князь Трубецкой. Для его лекций отводилась четырнадцатая, самая большая аудитория, и она всегда была полна студентами даже из других учебных заведений. Особенно много было курсисток, влюбленных в князя, изумительного оратора и светского человека. Трубецкой первым завел неслыханное новшество, разрешив студентам

выступать с публичными рефератами. Фененко тоже делал доклад, а потом выдержал диспут с двумя оппонентами: Евгением Тарле, студентом историко-филологического, и своим собратом-юристом Николаем Бердяевым, членом марксистского кружка, организованного гимназистом Анатолием Луначарским.

В сравнении с элегантным князем остальная университетская профессура выглядела провинциальной и неуклюжей. Были и совсем курьезные личности, но даже о них Фененко сейчас вспоминал с большой теплотой. Чего стоило одно только появление профессора Владимирского-Буданова. Несколько поколений студентов держали экзамены по его учебникам, однако в годы учебы Фененко профессор был уже в преклонном возрасте и держался в университете благодаря старой славе. Его приводили на лекции пожилые родственницы, долго раскутывали из многочисленных пледов, потом ставили за кафедру. Владимирский-Буданов начинал вещать нечто, имеющее отношение к истории русского права, причем большинство фраз застревало в его обвисших казацких усах. Через четверть часа, когда речь профессора окончательно превращалась в невнятное бормотание, заботливые родственницы снова упаковывали старика в пледы и бережно уводили из аудитории, а студенты направлялись в ближайшую портерную, каких было множество в «Латинском квартале», как называли улицы Тарасовскую, Паньковскую, Жилянскую, Никольско-Ботаническую и Жандармскую, где снимали дешевые комнаты и углы приехавшие вкусить науку молодые люди. Бывало, студенты за стаканом дешевого портвейна до хрипоты спорили обо всем на свете.

Увы, где теперь пылкие спорщики! Тарле приват-доцентом в столице, Бердяев отошел от марксизма, пишет что-то в славянофильском духе. Другие спились или превратились в пошлых обывателей. «А все-таки студенческие годы – прекрасное время, когда кажется, что все еще впереди!» — думал Фененко, поравнявшись с шумной очередью студентов, пришедших в канцелярию за отпускными свидетельствами на пасхальные каникулы. Фененко по мере сил старался сохранять верность идеалам молодости. Он мог себе позволить либеральные взгляды, поскольку имел до известной степени независимое положение. От отца, Крелевецкого уездного предводителя дворянства, они с братом унаследовали имение Морозовка и еще кое-какие земельные владения, которые сдавали в аренду местным крестьянам. В крайнем случае, если бы на чиновничьей службе стало совсем невыносимо, следователь мог подать в отставку, уехать в свою Морозовку и вести там ленивую жизнь помещика.

Анатомический театр киевского университета находился далеко от красного параллелепипеда с колоннами. Фененко миновал Ботанический сад, пересек широкий Бибиковский бульвар, прошел всю Пироговскую улицу и вступил в рустированное классической архитектуры здание. Анатомический театр был устроен по последнему слову науки. Стеклопанельная крыша пропускала свет, и даже в ненастный день внутри было достаточно светло. Длинный зал, уставленный тремя рядами цинковых столов, был пуст, и только в дальнем углу несколько студентов в белых халатах склонились над вскрытым трупом. Бесшумно открылась дверь на противоположной стороне, и в зал пружинистой походкой вступил морщинистый старик – декан медицинского факультета Оболонский. Сопровождавший его доктор-прозектор Туфанов свернул к группе студентов, и до ушей следователя донеслись слова:

– Кто вам, господа студии, выдал свеженький труп? Эй, служитель! Кому было велено: свежаков беречь!

Пока прозектор разбирался со студентами, декан Оболонский успел облачиться в плотный кожаный фартук.

– Начинаем? – спросил прозектор, присоединившийся к декану.

Оболонский кивнул. Двое служителей внесли носилки с трупом и переложили его на цинковый стол. Следователь впервые видел тело подростка, чьих убийц ему предстояло найти. «Какой он маленький! На вид не скажешь, что ему было тринадцать лет», – жалостливо подумал он. Андрей Ющинский лежал на столе, сложив руки на груди. Курносый нос, скошенный

назад лоб и щеки были белыми, без единой кровинки. Короткие веки едва прикрывали глаза, как будто подростка сморило от усталости. Казалось, стоит его окликнуть, как он встрепенется и помчится по своим мальчишеским делам. Но в следующее мгновение следователь заметил на левом виске мальчика множество мелких запекшихся ранок, резко выделявшихся на белой коже, словно свинцовая дробь, рассыпанная на снегу неосторожным охотником. На тонкой шее подростка висел трогательный кипарисовый крестик, а под ним зияла открытая рана, словно дикий зверь вцепился в горло мальчика зубами и безжалостно истерзал его.

Оболонский и Туфанов приступили к наружному осмотру. С мертвого сняли курточку и брюки. Оболонский перечислял расположение и характер ранений:

– На шее с правой стороны от средней линии имеются два овальной формы ссаждения, проникающие в глубину ранения... Сердце отсутствует... Печени нет, имеется лишь левая доля... Мозг в брюшной полости...

– Виноват, где? – изумился следователь.

Прозектор Туфанов досадливо поморщился.

– Все пораженные внутренние органы при первом вскрытии взяты для препарирования. А мозг этот коновал Карпинский засунул в брюшную полость. Черепная коробка тоже в кабинете судебной медицины. Обычное дело. Наверное, вы, как и мои бездельники студии, не слишком любите заглядывать в анатомический театр?

Следователь сконфужено отошел в сторонку. Минут через сорок служители унесли тело. Оболонский и Туфанов удалились в кабинет судебной медицины. Фененко застал медиков у стеклянного вытяжного шкафа. Они вполголоса разговаривали, но замолчали сразу же, как только к ним приблизился следователь. На вопрос, что они могут сказать по результатам вскрытия, Оболонский, выдохнув струю сигарного дыма в вытяжной шкаф, ответил, что с учетом пасхальных каникул результаты экспертизы будут готовы не раньше чем через месяц.

– Помилуйте, ваше превосходительство, – всплеснул руками Фененко, – за это время преступник преспокойно скроется!

– Мда... – пожевал губами Оболонский. – Хорошо, с самыми предварительными выводами, так сказать, *brevi manu* – короткой рукой, ознакомить можно. Что вас, собственно, интересует?

– Имеются ли указания на то, что преступление могло быть совершено на половой почве?

– Гм! На фрагменте ткани, найденной в кармане курточки, есть следы спермы.

– Так я и знал, – закивал головой Фененко. – Сексуальный маньяк! Много их развелось в наше бедовое время!

– Не спешите, господин следователь, – остановил его Оболонский. – Вчера был проведен анализ, показавший, что в сперме содержалось очень небольшое количество живчиков. Это не сперма взрослого, скорее подростка.

Прозектор Туфанов с циничной ухмылкой прокомментировал:

– Мальчишка просто занимался рукоблудием.

Профессор, неодобрительно покосившись на своего помощника, заметил, что причиной действительно мог быть онанизм, которому частенько предаются подростки в период полового созревания. Так или иначе, это к делу не относится. Гораздо важнее, что преступников было несколько. Судя по брызгам крови на одежде, Ющинский был убит в стоячем положении. Его держали вертикально с некоторым отклонением в левую сторону, зажимали рот, вязали руки – по отекам кистей видно, что это было сделано в момент агонии, – и наносили раны колющим предметом. Один человек не смог бы одновременно выполнить все перечисленные операции, следовательно, орудовала группа преступников. Первые удары были нанесены в висок и в шею, затем, через некоторый промежуток времени, мальчику было нанесено несколько десятков ран в правую боковую часть туловища и в спину. При этом мальчика душили, и наконец один из убийц нанес последний удар прямо в сердце, причем с такой нечеловеческой силой, что

на коже отпечатались след ручки стилета или швейки, послуживших орудием преступления. Из сорока семи ран, которые насчитали при вскрытии, только рана сердца являлась безусловно смертельной. Это, по французскому выражению, *coup de grace* – удар из милости. Убийца просто добил свою жертву, чтобы не мучилась.

– Вы в таких подробностях живописуете картину преступления, словно были свидетелем убийства. Но откуда известна последовательность нанесения ран? – спросил следователь.

– Ну, это проще пареной репы, – снисходительно объяснил прозектор Туфанов, – как известно любому медику, признаки последовательности повреждений характеризуются признаками наибольшего кровотечения. Самое обильное кровотечение дали ранения на виске, темени и шее. Следовательно, данная группа повреждений была нанесена еще здоровому организму. Остальные раны кровоточили гораздо меньше, поскольку к этому времени деятельность сердца была значительно ослаблена. Впрочем, все это ерунда, вопрос в другом: зачем преступникам потребовалось все это кровопускание. Я осмотрел органы, положенные в специальный раствор. У Ющинского оказалось «пустое сердце», то есть в самом сердце и в сердечной сумке набралось не более двух чайных ложек крови – редчайшая вещь в моей богатой практике. Будет справедливо утверждать, что мальчик был почти полностью обескровлен.

– Вы подтверждаете слова господина прозектора? – обратился следователь к Оболонскому.

Декан, не переставая выбивать пальцами барабанную дробь, кивнул головой. Следователь взволнованно подытожил:

– Итак, господа эксперты, что мы имеем в результате? Убийц несколько, из мальчика выточена кровь.

– Хуже всего не это, хуже всего ...я даже сказать боюсь... – профессор Оболонский остановился и попытался унять нервный тик, перекосивший его рот. – Загвоздка в том, куда делась кровь? На коже ее мало, на одежде незначительное количество, в пещере вовсе нет. Надо полагать, что убийцы тщательно собрали выточенную кровь, возможно, подставляли какие-то сосуды.

– Вы отдаете себе отчет, что это означает в канун Пасхи?

– Прикажете фальсифицировать результаты экспертизы? – желчно осведомился Оболонский и, отбросив сигару, глухо сказал:

– Нет, милостивый государь, против фактов не пойдешь! Убийцы намеренно извлекли всю кровь!

Путь от красного университета до желто-белой громады здания присутственных мест, выходявшей одной стороной на Большую Владимирскую улицу, а другой – на сквер перед Софийской площадью, следователь Фененко проделал в подавленном настроении. Когда он миновал вестибюль, вечно наполненный толпой адвокатов в черных фраках с портфелями в руках, и поднялся по гулкой чугунной лестнице в так называемый «прокурорский» коридор, его остановил хлыщеватый, набриолиненный чиновник по особым поручениям и спросил, правда ли, что следователю передано убийство на Лукьяновке?

– Удивляюсь болтливости наших судейских, – с сарказмом заметил Фененко. – Не успел получить дело, как во всех закоулках уже обсуждаются подробности.

– Убийство в канун Пасхи не может остаться незамеченным, – убежденно сказал чиновник. – Помяните мое слово, начнется большая драчка. Вы же знаете, окружной прокурор Брандорф рассчитывал на повышение, но его высокопревосходительство, господин министр юстиции предпочел Чаплинского. Понятно, вашему патрону до смерти обидно. Двум медведям в одной берлоге не ужиться. А тут еще это убийство. Надо полагать, окружной распорядился передать вам дело, чтобы все козыри на руках иметь?

– Покорнейше прошу не впутывать меня в интриги, – сказал Фененко и, холодно поклонившись собеседнику, вошел в кабинет.

Прокурор Киевского окружного суда Брандорф, сидевший за огромным письменным столом, поднял голову и сказал Фененко:

– А, Василий Иванович! Я сейчас заканчиваю.

Присев на краешек стула, Фененко искоса взглянул на своего патрона. Брандорф имел внешность типичного остзейского немца, которые тысячами наполняли казенные учреждения. Бытовала шутка, что у русского царя нет более верных слуг, чем немцы. Они не блистали остротой ума, зато были исполнительными, аккуратными и не выходили из воли начальства. Однако Брандорф являлся редким исключением, ни перед кем не заискивал, взглядов он придерживался самых либеральных и благоволил Фененко, что вызывало зависть у всего состава окружного суда.

Брандорф кончил правку и показал исчерканный черновик.

– Полюбуйтесь, чем приходится заниматься. После ревизии сенатора Нейдгардта день и ночь отписываемся.

Сенаторская ревизия всколыхнула весь чиновный Киев. Открылось множество махинаций. Чего стоил один только сговор между чинами крепостного управления и арендаторами земель, принадлежащих Печерской крепости-складу! По самому скромному расчету угодья должны были ежегодно приносить двухмиллионный доход, на деле же в казну поступило в сто раз меньше. Крали везде и всюду, даже в госпитале для увечных воинов, где, как установила ревизия, на ремонт отхожего места было списано сорок тысяч рублей. По этому поводу повторяли крылатое изречение римского императора Веспасиана «non olet pecunia» – деньги не пахнут.

– Господин сенатор не похож на безупречного рыцаря казенных интересов, – заметил Фененко. – До назначения в Сенат он был градоначальником Одессы и, говорят, таких дел натворил, что избежал уголовного суда только благодаря своему деверю Столыпину.

– Ну, в свете последних событий родственная протекция ему не поможет, – отозвался Брандорф.

Прокурор намекал на только что завершившийся министерский кризис, связанный с введением земства в шести западных губерниях. Председатель Совета министров и министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин протолкнул законопроект через строптивую Государственную думу. В одобрении «Звездной палаты» – так называли Государственный совет, состоявший в основном из отставных сановников, – у премьер-министра сомнений не было. И тут произошло неожиданное – звездоносные старцы зарубили проект, выразив таким способом недовольство политикой Столыпина, и в первую очередь его амбициозными попытками превратить русских крестьян-общинников в фермеров. Премьер-министр не остался в долгу. По его настоянию обе законодательные палаты были распущены на три дня, а во время искусственного перерыва земство ввели высочайшим указом. Скандал получился грандиозным. Брандорф, обожавший разговоры на политические темы, две недели изводил Фененко рассуждениями о подоплеке событий. Вот и сейчас он оседлал любимого конька.

– Триумф Столыпина кажется бесспорным только человеку далекому от политики. На самом деле его эпоха закончена. От него отвернулись даже крайне правые, ранее носившие его на руках. Более того, этим господином недовольны при дворе. В Царском Селе уже собирались подмахнуть Столыпину чистую отставку, но он повел интригу через вдовствующую, или, как ее чаще называют, злобствующую императрицу Марию Федоровну. Она потребовала принять все столыпинские условия. Рассказывают, что наш полковник... – Брандорф с усмешкой кивнул на портрет Николая II в военном мундире, – полковник выскочил от матушки с горящими ушами, словно наказанный за проказы гимназист. Уверяют, что он затаил глубокую обиду. Не удивлюсь, если Столыпина не пригласят на торжества в Киев в конце лета.

Прокурор сделал паузу, давая возможность взвесить его пророчество, а потом от вопросов высокой политики перешел к текущим делам.

– Боюсь только, – сказал он, – как бы торжества в Киеве, со Столыпиным или без оно, не были осложнены преступлением на Лукьяновке. Убийством мальчика постараются воспользоваться крайне правые. Они будут оказывать давление на судебные власти и прежде всего на прокурора судебной палаты Чаплинского, которому в виду его польского происхождения и недавнего перехода из католичества в лоно православия трудненько будет противостоять натиску квасных патриотов. Я поручил вам расследование для предотвращения досужих толков вокруг этого ужасного дела. Что дало повторное вскрытие?

Фененко сжато доложил о беседе с профессором Оболонским:

– Когда он сказал, что из мальчика выточена кровь, я остолбенел, словно на мою голову упал купол анатомического театра.

– Н-да! Неутешительные известия! – нахмурился прокурор. – Необходимо быстрее обнаружить настоящих убийц. Я поручил предварительное дознание начальнику сыскной полиции Мищуку и с минуту на минуту ожидаю его рапорта.

Не успел Брандорф закончить фразу, как на пороге кабинета появился дежурный чиновник, доложивший о приезде начальника сыскного отделения. Прокурор кивнул, и через минуту порог переступил плотно сбитый господин в штатском платье, туго обтягивавшем его грудь и плечи.

– Чем обрадуете, Евгений Францевич? – спросил его Брандорф.

– Счастлив доложить вашему превосходительству, что агентами сыскной полиции задержаны подозреваемые в убийстве мальчика Андрея Ющинского.

– Надеюсь, мотивы преступления не имеют отношения к Пасхе?

– Ни малейшего-с! Задержана мать убитого.

– Слава Богу! Значит, мы имеем дело с сыноубийством. Как вы раскрыли дело? Да вы присаживайтесь, Евгений Францевич, – спохватился прокурор. – Набегались, наверное, по городу.

– Привычка-с. Служба в сыскной полиции такая, что по кабинетам прохлаждаться не приходится.

«Камешек в мой огород», – подумал Фененко. Начальник сыскной полиции слыл столичной штучкой и третировал киевлян как провинциалов. В Киеве он появился после фантазмагорической эпопеи заведующего сыскной полицией Спиридона Асланова, при котором сыщики вступили в сговор с грабителями, наводя их на верные места, в основном на магазины торговцев, имевших глупость обратиться за помощью к полиции. Вскоре Асланову показалось невыгодным делить барыши с преступниками, и сыщики принялись грабить сами. Нельзя было различить, где кончалась сыскная полиция и начиналась воровская шайка. Когда его отдали под суд, департамент полиции рекомендовал на должность начальника сыскного отделения молодого петербургского сыщика Мищука. Первые полгода он занимался чисткой сыскного отделения, и не всем понравилось его самоуправство. Судебному следователю он тоже казался излишне самоуверенным и вульгарным.

Вот и сейчас Мищук развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Фененко никогда не позволял себе подобных вольностей в прокурорском кабинете, зная, что Брандорф при всем его либерализме был истым немцем, впитавшим субординацию с молоком матери. Мищук же, небрежно попросив разрешения закурить, достал тяжелый серебряный портсигар и продемонстрировал всем (как делал каждый раз) крышку с благодарственной надписью петербургского градоначальства. «Ох, нарываешь Мищук!» – подумал Фененко.

– Дельце-то оказалось простеньким. Впрочем, по порядку, – начал начальник сыскной полиции.

Из его рассказа следовало, что ключом к разгадке явилось объявление о пропаже подростка Андрея Ющинского, опубликованное его матерью в газете «Киевская мысль». Означенное объявление принимал конторщик редакции Шимон Барщевский, показавший следующее:

«С первого же слова женщины, назвавшейся матерью Ющинского, мне показалось странным ее отношение к факту исчезновения сына. В то время, как обычно в таких случаях матери, являющиеся в редакцию сообщать о пропаже детей, всегда плачут, крайне расстроены и поведением своим ясно высказывают горечь утраты, Ющинская относилась к случаю крайне равнодушно, говорила спокойно, точно дело шло не об исчезновении мальчика, а о факте, не имеющем серьезного значения. Я спросил, нет ли подозрений, чтобы Ющинский мог куда-нибудь уехать. Ющинская категорически опровергла такое предположение. Затем я попросил указать адрес, по которому можно было бы сообщить о месте нахождения ребенка или же доставить его лично. В ответ на это мужчина, бывший с Ющинской, улыбнулся и сказал, что это, мол, все равно – куда сообщить, – можно в полицию, или в училище. Я все время был под странным впечатлением того, что здесь что-то неладно: слишком уж безразлична была эта мать, а несколько раз повторявшиеся улыбки показались мне совсем неуместными».

– Барщевский прибежал к нам, – подытожил начальник сыскной полиции. – Мы воспользовались его наводкой и задержали мать убитого Александру Приходько.

Начальник сыскного отделения выяснил, что Андрей Ющинский был незаконнорожденным – байстрюком, как говорили в народе, потому носил девичью фамилию матери. Через несколько лет после его рождения Александра вышла замуж за переплетчика Луку Приходько. Для отчима мальчишка был бельмом на глазу, Александра родила от Приходько сына и всю ласку перенесла на законного ребенка. Андрея Ющинского воспитывала его тетка, владелица коробочной мастерской. Она единственная в семье, кто имел более или менее постоянный заработок.

– Тетка в последнем градусе чахотки. Мать и отчим люди бедные, к тому же Александра Приходько опять брюхата, и лишний рот им не прокормить. Логично предположить причастность к преступлению отчима. Но он постарался обеспечить себе убедительное алиби. Всю неделю, предшествующую обнаружению тела мальчика, работал в переплетной мастерской, даже ночевал у верстака. Алиби подтверждают хозяин мастерской и два работника. Так что убивала одна мать, хотя при несомненном подстрекательстве со стороны мужа.

– Но могла ли Александра Приходько в одиночку нанести такие жестокие раны? – усомнился Фененко. – Судебные медики утверждают, что мальчик был убит несколькими преступниками.

– Что там толковать о судебных врачах! – небрежно отмахнулся начальник сыскного отделения. – Мы, сыщики, тоже кое в чем разбираемся, хоть медицинских факультетов не кончали-с. Обратите внимание на характер поранений. На теле Ющинского множество поверхностных неглубоких ран, в сущности, порезов и царапин. Знаете, о чем это свидетельствует? Еще покойный Путилин наставлял...

При упоминании этой фамилии прокурор и следователь переглянулись. Путилина прозвали «черным сыщиком» за участие в аресте Чернышевского и помощь писателю Крестовскому, печально известному своими антинигилистическими и антисемитскими романами. Но Мишук не разбирался в подобных тонкостях. Он обожал по поводу и без повода рассказывать о похождениях черного сыщика.

– Путилин учил своих сотрудников, что если на теле множество поверхностных ран, то шерше ля фам, – с невозможным выговором произнес Мишук. – Значит, орудовала женщина. Бабы бьют куда ни попало, беспорядочно и всегда изрежут свою жертву почем зря.

Прокурор обратился к следователю:

– Что скажете, Василий Иванович? Основательная версия?

– Трудно сказать до официального допроса.

– Однако дельце надобно округлить сегодня же, чтобы на Пасху гора с плеч. Не откажите в любезности съездить в сыскное и непременно добейтесь признания от этой... э-э...

– Александры Приходько, – подсказал прокурору Мищук. – Я, ваше превосходительство, все подготовил-с. В сыском нас ожидают свидетели – бывшие соседи Приходько по Лукьяновке. Они обрисуют неприязненные отношения между матерью и сыном.

Экипаж начальника сыской полиции был запряжен могучими рысаками. Между чинами киевской полиции издавна шло негласное соревнование за обладание лучшей упряжкой. Правда и неправда устраивались добавочные ассигнования для приобретения призовых скакунов. У следователя перехватило дух, когда экипаж понесся по городским улицам. Вскоре кучер осадил храпящих лошадей у здания сыского отделения. В коридорах сыского отделения всегда было полно посетителей. Среди картузов и ситцевых платочков мелькали цилиндры профессиональных шулеров и шляпки дам, приехавших заявить о пропаже любимой собачонки или кошечки. В сыском служили несколько сыщиков, специализировавшихся по розыску домашних животных, но это, конечно, было лишь самым милым и незначительным из дел сыской полиции. Фененко подумал, что надо отдать должное Мищуку. Он завел ряд усовершенствований, в частности антропометрический кабинет, где использовался метод начальника парижского бюро идентификации Альфонса Бертильона. Арестованным измеряли череп, длину правого мизинца и левого уха, размер ступни и цвет радужной оболочки. Заведующий кабинетом заносил данные в картотеку и через самое короткое время объявлял какому-нибудь бродяге, не помнящему родства и имени, что он является крестьянином такой-то губернии, уезда и волости и судился тогда-то и тогда-то.

Возле кабинета начальника отделения толпились свидетели, доставленные с Лукьяновки. Все они казались забитыми и робкими, кроме смуглой молодой женщины, смело взглянувшей в глаза следователю. Фененко прошел в кабинет и расположился за столом начальника. Свидетелей вводили по очереди, и следователь расспрашивал каждого про Андрея Ющинского. Лукьяновских обывателей было нелегко понять, потому что они изъяснялись на ужасном суржике, представлявшим собой дикую смесь русских, малороссийских и еще каких-то особенных слов, понятных только живущим на киевских окраинах. Следователю приходилось ломать голову над тем, как облечь их не ведавшие грамматики и логики выражения в казенные фразы, из которых состоял протокол. Из свидетельских показаний можно было уяснить, что семья Нежинских-Ющинских сначала жили на Лукьяновке, а потом перебрались за Днепр, поскольку пронесся слух, что в Слободке якобы будут бесплатно давать участки для застройки. Конечно, слух оказался безосновательным, но семья так и осталась жить за Днепром. Следователь отметил одну ценную деталь. Все лукьяновские обыватели в один голос утверждали, что Андрей Ющинский и Александра Приходько были совсем чужими друг другу. Мальчик даже называл родную мать Сашкой.

Вереницу лукьяновских свидетелей замыкала смуглая женщина, похожая на цыганку. Пока Фененко записывал показания, в коридоре то и дело слышался ее громкий, хрипловатый голос. Она никому не давала спуска колкими репликами и замечаниями. Но когда она вошла в кабинет, ее манеры мгновенно изменились. Фененко понял, что она может принимать разные обличья и репертуар ее неистощим. Сейчас она разыгрывала роль светской дамы. Задав обычные формальные вопросы, следователь узнал, что свидетельницу зовут Верой Владимировной Чеберяковой, или Чеберяк, как привыкли сокращать в просторечии. От роду ей было двадцать восемь лет. Вера Чеберяк с гордостью объявила, что является дворянкой. Фененко не стал оспаривать, но в протоколе сделал приписку: «дворянка, со слов свидетельницы».

– У меня трое детей, – поведала Вера Чеберяк. – Приблизительно года четыре назад сын мой Женя, большой любитель погулять, вернулся домой с громадным букетом цветов, и когда я спросила, откуда он взял эти цветы, он сказал, что познакомился на лугу с мальчиком Андрюшей и они вместе с ним собирали цветы. Вот с этого дня и началось их знакомство, вскоре перешедшее прямо в дружбу.

Вера Чеберяк показала, что обычно Андрей заходил за Женей, и они бежали поиграть на Загоровщину. Вскоре свидетельница познакомилась с матерью мальчика. По ее словам, Сашка Приходько была очень вспыльчивой, когда дралась со своей сестрой Натальей, у нее просто изо рта выступала пена. Ссоры между сестрами происходили из-за незаконнорожденного ребенка. Наталья очень любила племянника и защищала его от матери, которая впадала в такое остервенение, что била сына тем, что первое попадало под руку. Однажды она с такой силой ударила Андрюшу палкой, что тот потерял сознание и еле оклемался.

– Мне кажется, – доверительно поделилась секретом Вера Чеберяк, – что и смерть сына она восприняла как-то необычно: не плакала, ни убивалась, а только краснела и бледнела. И еще, она странно вела себя у пещеры, где нашли бедного мальчика. Я соседка, человек посторонний, и то полезла внутрь, чтобы опознать Андрюшу, а она даже не захотела войти туда и выражала полную уверенность, что в пещере ее сын. Когда я подошла к ней со словами сочувствия: «Саша, тяжелый вам выпал крест», она ответила, что у Андрюши и должна была быть именно такая смерть.

– Позвольте! – остановил ее Фененко, – из протоколов полицейского дознания следует, что Александра Приходько не присутствовала при обнаружении тела своего сына.

– Я с ней на другой день говорила, когда она пришла из-за Днепра. Ей Богу, она не хотела лезть в пещеру.

– У вас очаровательная женская логика, – улыбнулся Фененко. – Зачем же Александре Приходько надобно было это делать, если труп ее сына к тому времени уже увезли в анатомический театр?

– Но палкой-то она Андрюшу лупила, – капризно надула губки Вера Чеберяк.

В дверь постучали.

– Господин следователь, Александра Приходько готова.

– Сейчас заканчиваю допрос.

– Ой, а вы меня проводите до выхода? – попросила Вера Чеберяк, кокетливо играя темными глазами. – Я такая трусиха, а здесь полно воров и разбойников.

«Слышал я, милочка, как ты шуточками с сыщиками перебрассывалась. Навряд ли тебя кто-нибудь испугает», – весело подумал Фененко, шаркнув ногой и подставив женщине согнутый локоть. Вера Чеберяк жеманным жестом взяла следователя под руку и вышла с ним в коридор. На полутемной лестнице она споткнулась и так крепко прижалась к нему грудью, что у следователя перехватило дыхание. Возвращаясь в кабинет, Фененко наткнулся на изможденного человечка, нервно теребившего свою рыжую козлиную бороденку.

– Пан добрый, будьте ласкави! Я Лука Приходько, муж Сашкин. Чому мою жинку арестовали? Де ж та правда в свити? Моя жинка с брюхом!

– Против вашей жены имеются веские подозрения, – объяснил следователь. – Кстати, говорят, что вы также очень плохо обращались с пасынком.

– Хиба ж вы не знаете, якие поганы люди на Лукьяновке? Им злоба очи застит из-за грошей.

– Из-за денег? Что вы имеете в виду?

– Яких грошей, не розумию, – испуганно забормотал Приходько, шарахнувшись в сторону.

Следователь вошел в кабинет, размышляя о появлении Луки Приходько. Переплетчик страшно не понравился ему своей искренностью и несомненным испугом. Правда, для убийцы он был слишком издерганным. Однако, когда в его камеру привели Александру Приходько, он подумал, что супруги вполне могли составить преступную парочку. Переплетчик скорее всего был организатором убийства, а его жена исполнителем. Не то чтобы ее внешность внушала ужас. Напротив, ее одутловатое лицо было совершенно обыкновенным. Но Фененко знал, что подобные женщины страшны тем, что беспрекословно подчиняются преступной воле,

не испытывая ни жалости, ни угрызений совести. При взгляде на ее широкие плечи и мужицкие руки, лежащие на огромном животе, можно было убедиться, что она способна одним ударом оглушить вола.

Допрашиваемая деревянным голосом отвечала, что звать ее Александра Приходько, отчества нет, незаконнорожденная, от роду тридцать два года, православная, мещанка, неграмотная, замужем за переплетчиком Лукой Приходько, занимается домашним хозяйством, летом торгует с лотка зеленью и яблоками. Андрюшу, был грех, родила в девицах. Последний раз видела сына живым утром в субботу 12 марта. Она налила ему миску постного борща и проводила в бурсу. Домой он не возвратился.

– Из чего вы варите борщ?

– Як у всіх. Бураки, бульба.

Следователь сразу припомнил первый протокол вскрытия, в котором было отмечено, что в желудке убитого обнаружены непереваренные куски картофеля и свеклы. Значит, мальчик был убит вскоре после ухода из дома. Или он никуда не выходил?

– В распоряжении судебных властей имеются данные, что между вами и вашим сыном установились неприязненные отношения.

– Шо? – вяло откликнулась Александра.

– Вы били сына?

– Дочиста розбрехали! Кто вам наговорив оце?

– Ваша соседка Вера Владимировна Чеберякова.

– Брешет шалава!

Фененко сделал паузу. Что-то ему подсказывало, что надо внимательно приглядеться к одежде женщины. Он нажал кнопку звонка. В кабинет заглянул Мищук.

– Евгений Францевич, будьте любезны пригласите сюда даму.

– Даму? – озадаченно переспросил начальник сыскной полиции. – Из женского пола здесь жена истопника, она завсегда нам помогает проститутку обыскивать. А зачем? – тут он перехватил взгляд следователя, хлопнул себя по лбу, выскочил из кабинета и через пять минут вернулся с женщиной, держащей в руках серый арестантский халат.

– Ваш муж упомянул, что ваши соседи завидуют деньгам, – обратился следователь к Приходько. – Объясните, что он имел в виду?

– Вы с мени сміється! Якие гроши?

Не меняя унылого выражения лица, Александра Приходько привычно повторяла, что они люди бедные. Заработка хватает только на харчи. У нее даже нет кожуха, всю зиму пробегала во фланелевой юбке и старой кофте.

– Две недели назад вы были в этой же юбке? – вкрадчиво поинтересовался следователь.

Предчувствуя, что сыноубийца попала в ловушку, Фененко вежливо попросил позволения осмотреть её одежду. Начальник сыскной полиции подал знак своей помощнице. Она подошла к Приходько и накинула на ее плечи халат. Фененко и Мищук деликатно отвернулись.

– Готово, – доложила истопница.

Приходько сидела в халате, недоумевая, зачем следователь и начальник сыскного отделения мнут в руках ее юбку.

– Сударыня, – возобновил допрос следователь, – благоволисте объяснить происхождение бурых пятен на вашей одежде.

– Бис його видав! – пожалала широкими плечами Приходько.

– Вы поймите, экспертиза легко установит происхождение пятен. Знаете, что такое экспертиза? Ученые люди возьмут вашу одежду, соскребут частичку пятна, капнут одной жидкостью, потом другой, и в результате будет ясно, кровь это или что-то иное.

– Може, юшка, – забеспокоилась Приходько. – От вже точно! Курку ризала.

По словам Александры Приходько, она купила на базаре курицу, отрубила ей голову, но неудачно. Безголовая птица вскочила, начала судорожно метаться по кухне и все забрызгала кровью.

– Давно это было? – участливо спросил Фененко.

– Неделю чи две.

– Вы православная?

– А то як же?

– Зачем же вы резали курицу в Великий пост?

– Ой, я така затуркана, така затуркана! – запрочитала Приходько. – Ось зараз кажу, тильки дайте трохи подумати.

По её узкому лбу, наморщенному от непривычной мыслительной работы, следовательно было ясно, что подозреваемая отчаянно пытается придумать правдоподобное объяснение. Но она ничего не придумала и внезапно заявила, что курицу резала давным-давно, а кровь на юбку попала после того, как у нее из носу пошла кровь. Со слов Приходько, она часто страдает подобными кровотечениями и падает в обморок. Следователь покачал головой.

– Кровь из носа прежде всего должна была попасть на кофту. Почему на кофте нет пятен, а на юбке есть?

– Ой, вспомнила, то я палец поризала.

– Покажите руку. Где след от пореза?

– Ой, не чапайте вы мени, ой, отщепитесь ради Христа! – во весь голос зарыдала Приходько. – Не я винна.

– Тэк-с! – произнес Фененко. – Ну, что ж! Юбку мы направим на экспертизу, а вам, сударыня, я объявляю, что вы подозреваетесь в сыноубийстве.

– Ой, чула я биду! Чоловику теж сказала, шо посадят нас за Андрюшку! – с этими словами Александра Приходько рухнула со стула и забилась в припадке.

Глава вторая

27 марта 1911 г.

На старокиевских горах возвышалось вычурное здание в готическом стиле, походившее на средневековый замок Ричарда Львиное Сердце или Рене Доброго. На самом деле это был недавней постройки доходный дом. В барской восьмикомнатной квартире на четвертом этаже обитала семья Степана Тимофеевича Голубева, ординарного профессора Киево-Могилянской духовной академии по кафедре обличения раскола. Сын профессора Владимир Голубев, двадцатилетний студент-юрист и секретарь патриотического общества молодежи «Двуглавый орел», проснулся поздно. По тишине в квартире он понял, что все ушли к ранней обедне. Владимир сбросил длинную ночную рубашку и облачился в полосатое гимнастическое трико, выкатил из-под кровати штангу и несколько раз кряду поднял ее над головой. Каждый месяц Голубев подсыпал в шары на концах штанги новую горсть картечи и уже дошел до шести пудов. Ощущая приятную усталость в мышцах, он прихватил с собой мохнатое полотенце и отправился в ванную, где, повернув ручку медного крана, наклонился над фаянсовой раковиной, подставил шею под ледяную струю, а потом крепко растерся полотенцем. Вернувшись в комнату, он надел темно-зеленый суконный мундир с синим воротником и обшлагами и просунул в разрез с левой стороны короткую шпагу без темляка и портупей. Почти игрушечная студенческая шпага была предметом тайной гордости Голубева, и он искренне сожалел, что носить шпагу полагалось только по табельным дням или в особых случаях, как сегодня. Была бы его воля, он давно бы сменил студенческий мундир на красивую гусарскую или уланскую форму.

Проходя мимо трюмо, студент поправил на груди серебряный значок «Двуглавого орла». В зеркале отразился красивый юноша, красивый не утонченной декадентской бледностью, сводившей с ума интеллигентных барышень, а простонародной свежестью и здоровьем. Владимир походил на парубка из казачьей станицы, с румянцем во всю щеку, с васильково-голубыми глазами, с прямыми русыми волосами и маленькими усиками. Впрочем, о своей внешности он заботился мало и от души презирал студентов-белоподкладочников, таскавших в карманах полный набор всяких щеточек, ножниц и щипчиков.

Еще в коридоре Владимир услышал характерное покашливание, означавшее, что прихворнувший отец не пошел вместе с домашними к обедне, а остался дома. Голубев-старший сидел за накрытым столом, одной рукой держа перед собой газету, а другой помешивая ложечкой в стакане.

– Здравствуйте, батюшка! – сказал Владимир, целуя отцовскую руку.

– А, Володенька, – оторвался от газеты отец. – Поздненько встаешь, вьюноша. Не обесудь, завтракать придется без прислуги. *Tarde veientibus ossa* – приходящим поздно достаются кости, как говаривали древние.

– Все едино, Великий пост, выбирать не из чего. О камбале и прочих яствах мечтать не приходится, – балагурил Владимир, накладывая на тарелку изрядный ломоть осетрины.

– Камбала! – негодуяще фыркнул старый профессор. – С жиру бесятся наши миллионщики. Выписывают заморскую рыбу. Что в ней, в этой камбале?

– Не знаю, не пробовал. Рассказывают, вкус необыкновенный.

В облике профессора до сих пор угадывался семинарист, некогда обладавший недюжинной телесной мощью и горячим нравом. Из-за острого языка Голубев-старший почти четверть века просидел в приват-доцентах. Он считался опасным вольнодумцем и по доносу был вызываем пред очи обер-прокурора Святейшего Синода. Как ни смешно, вскоре его из вольнодумцев записали в отъявленные мракобесы, хотя он не менял своих убеждений. Старший Голубев только иронически качал головой: «О, сыны века сего, по ветру нос держащие!» Лишь

на склоне лет Голубев достиг профессорского звания, а вместе с ним и материального достатка, позволившего снять барскую квартиру. Не желая вновь впасть в унижительную бедность, профессор взвалил на себя непосильную ношу, читая лекции сразу в нескольких учебных заведениях. Помимо безбрежных энциклопедических познаний, профессор обладал удивительным здравым смыслом. В первые дни после переезда на новую квартиру домочадцев пугал негромкий, непонятно откуда доносящийся вой. Обитатели дома со страхом рассказывали, что по ночам встречали на лестницах завывающего призрака. Говорили, что призрак похож на подрядчика, разорившегося после постройки замка. По слухам, он покончил жизнь самоубийством и бродит неприкаянным по лестницам. Выслушав эти разговоры, профессор вздохнул и занялся осмотром вентиляционных каналов, спрятанных в стенах. Вскоре он с усмешкой выложил перед сыновьями несколько пустых гусиных яиц, каждое с двумя небольшими отверстиями. Пустая скорлупа, в которую через отверстия попадал ветер, издавала пугавшие весь дом звуки. Наверное, каменщики таким хитрым способом отомстили подрядчику, не заплатившему им за работу.

Отбросив в сторону газету, старый профессор с омерзением сказал:

– Не могу читать эти либеральные сопли! «Киевскую мысль» впору переименовать в «Киевскую микву»!

– Что за миква такая, батюшка?

– Особый водоем для ритуальных омовений. Жиды в нем смывают разную пакость, точь-в-точь как в этой поганой газетенке. Виноват, забылся! Простите мне *lapsus linguae* – оговорку. Знаешь, Володенька, твоего отца на старости лет просветили, что культурный человек обязан говорить не «жиды», а «евреи». Так сказать, одним махом посрамили великую русскую литературу, ибо Пушкин, Лермонтов, Гоголь слово «жид» употребляли. Видать, от бескультурья! Позвольте только заметить, что «жид» – это славянская форма латинского слово «*judas*», то есть слова «иудей»; тогда как слово «еврей», образованное от арамейского «*ibra*» и латинского «*hebraeus*», является редким и книжным. Между прочим, мне один коллега из Праги, профессор Карлова университета, отписал о прекурьезнейшей истории: тамошние прогрессисты начали жидов евреями величать. И оконфузились, поелику по-чешски жид – «*zid*», равно как по-польски «*zydowin*», звучат нейтрально, а вот слово «еврей» воспринимается как оскорбление.

Откинувшись в кожаном кресле, профессор помолчал. Потом он спросил сына, куда тот собрался при таком параде, и услышав, что на похороны Андрея Ющинского, обеспокоенно попросил:

– Умоляю, Володя, не попади в историю. Больно ты горяч!

– Не беспокойтесь, батюшка!

Владимир поцеловал отцовскую руку, вышел в прихожую и нашел на вешалке свою шинель. Зимой студентам предписывалось носить теплое пальто с темно-синими петлицами, но Голубев уговорил родителей построить ему серую шинель офицерского образца. Накинув на плечи шинель, он выбежал из квартиры. Его буквально распирало желание двигаться: каждая клеточка тела ощущала наступление весны. Он помчался вниз, перепрыгивая сразу через три ступеньки, и выскочил на открытую площадку, огороженную балюстрадой.

По левую руку от него возвышалась грациозная Андреевская церковь. Владимир снял студенческую фуражку и с благоговением перекрестился на парящие в воздухе золотые кресты. Его приводила в волнение мысль, что он живет в нескольких десятках саженей от вершины холма, на коем апостол Андрей Первозванный водрузил крест и предрек, что от сего места воссияет христианская вера, а Киев станет матерью городов русских. Однажды Владимир спросил отца, правду ли пишут, будто предание об апостольском путешествии на берега Днепра расходится с данными науки. Отец усмехнулся: «На самом деле киевляне домонгольского периода вообще не указывали на определенное место, и только в семнадцатом веке, когда

это забытое предание вновь ожило под влиянием борьбы с латино-униатами, киевляне начали ссылаться на слухи „яко же повесть обносится“ о водружении апостольского креста в нагорной части северо-восточного угла Старого Киева. А вот на каком холме произошло сие чудо, неведомо никому».

И что из того! Ведь пророчество исполнилось, хотя и не сразу. Сначала на вершине холма было языческое капище, где пред истуканом Перуна день и ночь полыхал костер из дубовых дров. Киевляне, не знавшие истины христианского учения, приносили в жертву идолу своих сынов и дочерей. «И осквернились кровью земля русская и холм тот». Потом святой, равноапостольный князь Владимир повелел разорить языческие капища, Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по древнему Боричеву взвозу, в коем многие ученые усматривают нынешний Андреевский спуск, и приставил двенадцать мужей колотить его палками. В «Слове о полку Игореве» упоминается, как князь едет по взвозу: «Девы поют на Дунае. Вьются голоси чрез море до Киева». Студент ревниво подумал, что на Дунае, исконно русской реке, даже духу не должно быть немцев, мадьяров, румын. Любимой книгой Голубева был фантастический роман Сергея Шарапова «Через полвека». Герой этого романа внезапно переносится в далекий 1951 год и узнает, что Русская империя включает Восточную Пруссию, Австрию, Чехию, Моравию, Венгрию, Сербо-Хорватию, Болгарию, Грецию, Афганистан и Персию. Одной из столиц империи является Царьград, а другой – Киев. «Очень может быть, – рассуждал Владимир. – Все знают, что через полвека нас, русских, будет четыреста миллионов, мы превратимся в самый многочисленный народ на свете. И где же быть столице, как не в Киеве, матери городов русских! И где же, если не на этой овечьей легендами горе, будет центр православного мира! Холм оденут мрамором, лестницы вымостят яшмой и сердоликом, а Андреевскую церковь и украшать не надо – до того она прекрасна!»

Он перевел взор направо. С открытой площадки открывался живописный вид на Подол. Нижний город лежал как на ладони. Подол был совершенно плоским, и только одна пятиэтажная кирпичная громадина нависала над набережной. Её ломаную крышу венчала башенка. Своей мрачной, подавляющей архитектурой здание напоминала готический храм, отчего киевские остряки прозвали его «Нотр-Дам де Подол». На самом деле кирпичная громадина являлась паровой мельницей, окруженной зернохранилищем, складами и подсобными помещениями. Рядом с мельницей торчала высокая труба, из которой валил дым. Коптящая труба портила весь вид на Подол, разлившийся Днепр, Труханов остров и заливные луга за рекой. Голубева передернуло. Отсюда, с Верхнего города, разумеется, нельзя было разглядеть вывеску, но Голубев досконально знал, что на ней написано: «Киевская паровая мукомольная мельница акционерного общества «Лазарь Бродский».

Поговорка «Богат как Бродский» вошла в повседневный обиход. Предком Бродских был Меир Шор из местечка Броды. Его потомки назывались Бродскими. Одному из них – Израилу Бродскому – пришла в голову счастливая мысль заняться переработкой сахарной свеклы. Он сказочно обогатился, перебрался в Киев, стал негоциантом. Сахарный король имел трех сыновей: Лазаря, Льва и Соломона. Про Соломона говорили, что он страдал психическим расстройством и состоял под опекой братьев. Лазарь унаследовал отцовскую деловую хватку и весьма приумножил семейные капиталы. Его интересы не ограничивались торговлей сахаром. Он возвел паровую мельницу, основал два пароходства, пивоваренную компанию, состоял председателем правления нескольких банков и обществ взаимного кредита. На его средства была построена хоральная синагога, содержалась образцовая еврейская больница, ремесленная школа для еврейских детей.

Когда Лазарь Бродский скоропостижно скончался за границей, куда ездил навестить дочь, еврейская община Киева погрузилась в траур. Старый профессор рассказывал сыновьям, что в похоронной процессии за гробом негоцианта, на коем покоились серебряные венки, шествовали генерал-губернатор и все важнейшие губерньские чины. Конечно, нельзя было

не признать заслуг Бродского по части богоугодных заведений, однако в конце концов сахарный магнат пожертвовал на благотворительные цели лишь малую толику миллионных доходов. Профессор Голубев вздыхал: «Что же касается наших либералишек, то правильно о них писал Достоевский – заступаются они за жидов потому, что когда-то это было и ново и смело. И какое дело этим, по выражению писателя, „людям отвлеченным“, до того, что сейчас уже жид торжествует и гнетет русского? Не хотят они видеть, что жид распространяется с ужасающей быстротой».

Студент был полностью согласен с отцом. Резвые ноги сами несли его вниз по Андреевскому спуску, а ему представлялось, что Киев изнемогает от вражеской осады. Еще немного и на городские улицы хлынут потоки завоевателей. Повсюду: на базарах, на бирже, в мелочных лавках и в шикарных магазинах мелькали лица чужеземцев с крючковатыми носами и черными бородами. Когда звучала их пронзительная нерусская речь, Владимиру чудился описанный в летописи устрашающий рев верблюдов, скрип телег и ржание табунов Батыевой орды, из-за которых киевляне не могли услышать друг друга. Еврейское нашествие казалось ему даже хуже татарского ига, потому что татары пришли и ушли, а тьма египетская, нахлынувшая в город из самых глухих дыр черты еврейской оседлости, навсегда пристраивалась к теплым местам. Евреи прибрали к рукам хлебную торговлю и питейный промысел, им принадлежали почти все ювелирные магазины, часовые мастерские и аптеки.

Они наступали, а русским людям не хватало сплоченности. Владимир постоянно убеждался в этом на собственном примере. Как-то, узнав, что Юго-Западная железная дорога принадлежит акционерному обществу, которым заправляют евреи, он отказался ехать на поезде и отшагал сорок верст по шпалам. Над этим поступком посмеялся даже родной брат Алеша. И чего смеялся? Если бы русские начали бойкотировать еврейские дороги, лавки и склады, иудейское племя мигом бы разорилось.

Пока Голубев шагал вниз по улице, его окликнули откуда-то сверху:

– Эй, Конинхин! Куда путь держишь?

Голубев покрутил головой и увидел, что поравнялся с домом необыкновенной постройки – двухэтажным со стороны Андреевского спуска и одноэтажным со двора. Из окошка дома высунулась голова Михаила, товарища братьев Голубевых по Первой гимназии.

– Салют, Мишка! Спешу на похороны Ющинского. Присоединяйся!

– Где там! Мы ведь на медицинском не такие вольные птицы, как вы на юридическом. Экзамены на носу. Самому Оболонскому сдавать будем, и прозектор Труфанов постоянно цепляется. Конечно, медику не обойтись без знания анатомии, но я все же собираюсь стать венерологом, а не патологоанатомом. Я думал, ты на ярмарку. Хотел прогуляться, а то башка пухнет от зубрежки.

– Если хочешь проветриться, выходи. Только мигом, я уже опаздываю.

Через минуту студенты бежали вниз по неровному булыжнику Андреевского спуска, увлеченно перебрасываясь воспоминаниями о гимназических годах. Два-три года назад Владимир частенько ругался с товарищем, давшим ему прозвище Конинхин. Произошло оно от того, что во время самозабвенных игр в конницу «кишата», как называли гимназистов младших классов, залезали на плечи более рослых товарищей, и Голубеву, который был на голову выше сверстников, всегда доставалась роль коня. Михаил не только Голубеву приклеил кличку, он обожал дразнить всех учащихся первого отделения.

Между двумя отделениями гимназии шло постоянное соперничество. В первом отделении, где в основном учились отпрыски богатых и влиятельных киевлян, считалось особенным шиком прокатиться на лихаче в Шато-де-Флер и быть в курсе котировок всех более или менее примечательных кокоток. Знать что-нибудь сверх учебников было вовсе необязательно и даже неприлично. Второе отделение, напротив, щеголяло поголовным участием в естествен-

нонаучных и литературных кружках. После экзаменов на аттестат зрелости неприязнь между отделениями уступила место своеобразному братству Первой гимназии, к тому же в университете Голубев отошел от своих аристократических товарищей, так как средний достаток семьи не позволял ему вести рассеянный образ жизни, типичный для студента-драгуна. И теперь он был рад встрече с товарищем по гимназии, тем паче, что их отцы когда-то вместе профессорствовали в Киево-Могилянской академии.

Всю дорогу Михаил напевал под нос задорный куплет:

– Его превосходительство зовет ее своей и даже покровительство оказывает ей!

– Если не ошибаюсь, это из «Льва Гурыча Синичкина»?

– Верно! Только я переделал: «Его превосходительство любил домашних птиц и брал по покровительство хорошеньких девиц».

– Так смешнее! – согласился Голубев.

Миновав церковь Николая Доброго, молодые люди оказались на обширной Контрактной площади, уставленной грубо сколоченными балаганами. Холщовые шатры и навесы тянулись от старинного Контрактового дома, заклеенного объявлениями, до Самсоньевского фонтана, где обнаженный Самсон разрывал пасть худосочному льву. Предпасхальная ярмарка поражала своим изобилием. Здесь можно было заранее купить все скоромные продукты, необходимые для разговения после Великого поста. Майдан на Подоле был весь заставлен рундуками, наспех сколоченными из досок. Восточный человек продавал цветастые шали, татары стояли за рундуками, заваленными горами казанского мыла, тут же торговали мануфактурой и сапогами. Всякий расхваливал свой товар, не обращая ни малейшего внимания на печальный звон Братского монастыря.

Вдруг студенты увидели молодого щеголя, бесцельно разгуливавшего среди толпы на майдане. Они сразу вспомнили его бледное асимметричное лицо, потухшие глаза за тонким золотым пенсне и капризно задранную верхнюю губу. Он тоже являлся воспитанником Первой гимназии, учившимся несколькими классами старше. Его прозвали Митькой-буржуй, потому что богатые родители давали ему на карманные расходы больше, чем получал жалования учитель гимназии. С той же презрительной миной на лице, с какой он расхаживал по гимназическому двору, Митька-буржуй зашел в балаган-паноптикум.

– Он, поди, на голую русалку глазеет. Догоним его! – заговорщически зашептал Михаил.

– Да ну!

– Пойдем, пойдем! Поднимем его на смех.

Паноптикум был разгорожен ширмами на несколько помещений. В одном из закоулков мелькнуло Митькино пальто. Студенты подкрались на цыпочках, чтобы застать бывшего одноклассника врасплох. Их замысел почти удался, но в самую последнюю секунду, когда они собирались заулюлюкать, Митька-буржуй услышал за спиной шорох и обернулся. Его белое лицо исказила судорога, пенсне упало и повисло на витом шнурке. Но студенты оторопели еще больше. В Митькиной руке отливала вороненой сталью браунинг, а у ног раскинулся труп в синем фраке. Губы убитого были сложены в сардоническую улыбку, по белоснежной манишке стекала густая струя крови.

На несколько мгновений вся группа застыла в немой сцене. Первым опомнился Митька-буржуй. Он пробормотал что-то сквозь зубы, сунул браунинг в карман и быстрым шагом выбежал из паноптикума. Студенты глянули друг на друга, перевели взор на распростертую на полу фигуру и безудержно расхохотались. Восковая кукла президента Французской республики Сади Карно, пронзенного анархистским кинжалом, была таким же персонажем паноптикума, как русалка с чешуйчатым хвостом и горилла, похищающая девушку.

– Митька-то! Ой, не могу! – согнулся в три погибели Михаил. – С браунингом! В воскового президента целился! Чай, террористом себя воображает!

– Он бы в штаны наложил в ста сажнях от любого министра. Кушак в кармане! – над-
рывался Владимир.

Все воспитанники Первой гимназии отлично знали, что означают слова «кушак в кармане». Раз в году между первым и вторым отделениями происходило генеральное сражение. В условленное время раздавался разбойничий посвист, гимназисты сбегались в сад, несколько минут шла взаимная бомбардировка каштанами, после чего сходились врукопашную. Дрались все, кроме слабосильных и малодушных, коим гимназический кодекс чести предписывал снимать кушаки. Митька-буржуй первым прятал кушак, презрительно цедя сквозь зубы, что считает кулачную потасовку ниже своего достоинства.

Когда юноши отсмеялись, Голубев заметил:

– Конечно, вам легко было! С вашей стороны и Патька, и ты, и вообще все хлопцы как на подбор. А попробовал бы ты с такой слякотью!

Его до сих пор брала досада, что второе отделение всегда одерживало верх. В первом отделении бойцов можно было пересчитать по пальцам одной руки, остальные не выдерживали напора и позорно бросали товарищей на произвол судьбы в лице инспектора Бодянского и старшего педеля Максима.

Удары колокола напомнили Владимиру, что он опаздывает.

– Так ты не поедешь на похороны? – спросил он товарища и, выслушав отрицательный ответ, разочаровано буркнул: – Как знаешь!

Голубев двинулся через ярмарку в расстроенных чувствах. Взять того же Михаила. Он без тени иронии называл себя «квасным» патриотом и убежденным монархистом. Однако Михаил и ему подобные держались в стороне не только от революционных, но и от монархических организаций. В «Двуглавом орле» состояло чуть больше двухсот пятидесяти человек. Среди них были настоящие проверенные бойцы: Галкин, Позняков, Сикорский. Но, если правду сказать, в основном там подвизались гимназисты. Поступив на юридический факультет, Владимир рассчитывал привлечь единомышленников из среды студентов. Напрасные надежды; хотя, казалось бы, как можно было спорить с очевидной истиной, что русская народность, как собирательница и устроительница русского государства, должна быть признана народностью главенствующей и первенствующей? Было бы понятно, если бы призыв «Россия для русских» вызывал ненависть исключительно у инородцев. Но против двуглавцев выступало большинство великоросов и сплошняком все малороссы. Голубев и раньше встречал так называемых «щирых украинцев», в основном из народных учителей, посасывавших люльки с крепчайшим тютюном и на все явления жизни отзывавшихся кратким: «Эге ж!» Было нечто опереточное в их необъятных шароварах и вышитых рубахах. К его удивлению в университетских аудиториях оказалось множество студентов, носивших под мундиром вышиванки. Они прославляли изменника Мазепу и мечтали об отдельном украинском государстве. Мазепинцы активно выступали на студенческих сходках, а в прошлом феврале отмечали юбилей Тараса Шевченко и повторяли его слова, что он примирится с Богом лишь тогда, когда волны Днепра понесут в Черное море кровь москалей – «кровь ворожу».

В университете святого Владимира существовала академическая корпорация, состоявшая из студентов, которые хотели учиться, а не бунтовать. Но что могла поделать горстка академистов с толпой эсеров, эсдеков, бундовцев, паолой-сионистов, польской левицы, мазепинцев и прочей нечистью? Тихая обитель науки и просвещения превратилась в рассадник крамолы, и ее красные стены казались набухшими от крови. Голубеву не раз приходило в голову, что единственное, что остается, – это публично и торжественно закрыть университет. Ну, может, не навсегда закрыть, а продержат в карантине года два или три, пока не выветрится революционная зараза, а потом по строгому отбору принять в студенты русскую патриотическую молодежь.

У Гостиного двора Голубева должны были ждать несколько членов патриотического общества молодежи. Однако под белыми арками не было видно никого из двуглазцев. Студент открыл серебряную луковицу карманных часов, щелкнул крышкой и недоуменно пожал плечами. Возможно, он опоздал, и хлопцы уже уехали, но столь же возможно, что никто из них не явился, ибо дисциплина, увы, была ахиллесовой пятой патриотов. На всякий случай Голубев решил немного подождать.

Прогуливаясь под арками Гостиного двора, он услышал громкие выкрики, заглушавшие даже вопли ярмарочных зазывал. Оглянувшись, студент увидел толпу чернорабочих около телег, накрытых рогожей. Они яростно спорили, кому достанется разгрузать товар.

– Пусть товарищ Лазарь растолкует! – надрывался один из рабочих.

– К бису твоего Лазаря... Нехай вин иде к черту в зуби...

Но Лазарь, к чьей помощи взывал рабочий, уже подходил к телегам. Он выглядел типичным обывателем еврейского местечка, молодым и самоуверенным до нахальства. Он сильно картавил, но говорил с апломбом и мгновенно овладел общим разговором.

– Кликали меня? Здоровеньки, товарищи! Не скажу за весь Киев, тильки на Подоле мени каждый знает. А кто не знает, таки я буду не хвор назвать себя – Лазарь Каганович, прошу запомнить!

– Ты своим жидам потакаешь, – с подозрением сказал пожилой возница, восседавший на телеге. – Все жиды кровопийцы!

– Вы, товарищ ломовой извозчик, совсем несознательный, совсем темный! – укоризненно покачал головой оратор. – Никогда не ставьте на одну доску рабочего человека и кровопийцу-буржуя! Я – кожевенник, а начинал грузчиком на мельнице миллионщика Бродского. Сами знаете, каково таскать пятипудовые мешки по шатким мосткам на баржи! Доски то и дело ломались, рабочие падали, получали увечья. Нормы зверские, за двенадцать часов работы платили семьдесят пять копеек. Рукавиц не выдавали, пыль забивала всю глотку. Короче говоря, стали меня молодые рабочие упрашивать, чтобы я пошел в контору и заявил протест. «Хозяина звали Лазарь и тебя зовут Лазарь, им будет стыдно тебя уволить». Ну я был совсем зеленый, глупый. Подумал: действительно, в конторе сидят евреи, они своего не обидят.

Лазарь остановился, чтобы перевести дыхание. Один из грузчиков нетерпеливо дернул его за рукав.

– Шо було? Рассчитали або як?

– Вышвырнули с мельницы в тот же день! И еще полицией пригрозили, как зачинщику. Вот вам и «Лазарь не уволит Лазаря!» – под общий смех закончил свой рассказ Каганович. – Правильно вы смеетесь с меня, товарищи. Спасибо, научили буржуи! Богатый еврей еще больше зол на еврея рабочего, который ему не кланяется, а ведет с ним борьбу. Советую всем вам, товарищи, прочитать брошюру «Пауки и мухи», потому что она ярко и коротко дает суть того капиталистического строя, при котором капиталисты, как пауки, высасывают кровь из мух-пролетариев. Эту брошюру написал Вильгельм Либкнехт, отец Карла Либкнехта, одного из соратников Маркса.

Ломовой извозчик почесал взлохмаченную голову и прогудел:

– Карлы! Марлы! Богато написали, а шо толку? Отобрать усе и поделить!

– То же самое хотят большевики! – подхватил Лазарь. – Но поделить, товарищи, надобно с умом! Тут не обойтись без революции, которая неизбежно подразумевает установление диктатуры пролетариата.

Чувствовалось, что молодой оратор совсем недавно усвоил незнакомые для себя слова, и ему чрезвычайно нравилось их раскатистое звучание. Он с удовольствием выговаривал: «Р-р-революция... пр-р-ролетариат... диктатур-р-ра». Едва Голубев услышал про революцию, он энергично заработал локтями и пробился к телеге со словами:

– Ты что тут агитацию развел?

Оратора как корова языком слизнула. Студент упрекнул чернорабочих:

– Кого вы слушаете!

– Остынь, паныч! Вин сам по соби, мы сами по соби, – отвечали грузчики, берясь за мешки.

Отойдя от телег, Голубев еще раз щелкнул крышкой часов. Дольше ждать было нельзя. Вокруг всей Контрактовой площади были уложены трамвайные рельсы. С большого круга вагоны с плетеными желтыми сидениями разбегались в разные стороны, в том числе на Лукьяновку. Однако, как он ни вглядывался вдаль, не было видно ни одного вагона. На трамвайной остановке, что напротив Самсоньевского фонтана, говорили, что на путях зарезало человека и по этой причине движение временно приостановлено. Голубев понял, что опаздывает, и поискал глазами экипаж. Шагах в десяти от фонтана какой-то господин, лет тридцати, среднего роста, с обыкновенным лицом и слегка оттопыренными ушами, торговался с извозчиком.

– Полтина?! Курам на смех! Я классификации городской управы назубок знаю. Ты одноконный извозчик второго разряда, на простом, не резиновом ходу. Вот и бери по прейскуранту.

– Який прейскурант, – скалил зубы извозчик.

Отчаявшись договориться с извозчиком, господин попытался найти сочувствие у студента.

– Видит, что я опаздываю и ломит несообразную цену.

– Вам куда надобно?

– На Лукьяновское кладбище.

– И мне на кладбище. Найдем его в складчину. Эй, извозчик, повезешь за сорок копеек, – предложил Голубев, запрыгивая в пролетку.

Довольный извозчик щелкнул кнутом, и экипаж тронулся с места. На Житный базар бесконечной вереницей тянулись возы всевозможных видов и размеров. Сидевшие на возах дивчины, в пестрых китайчатых кофтах и красных черевичках, задорно подмигивали панычам в коляске. Спутник Голубева завел беседу.

– Я все понимаю. Извозчику надо семью кормить, в деревню посылать все заработанное нелегким трудом в городе. Но полтина! Хорошо, что городская управа пригласила венских инженеров для устройства регулярного движения автомобилей-дилижансов. В ближайшее время цены неизбежно упадут. Я это знаю из первых рук, потому что новости – моя профессия. Кстати, вот моя карточка, – добавил он, протягивая картонный прямоугольник, на котором под дворянской короной было выведено: «Степан Иванович Бразуль-Брушковский, корреспондент газеты «Киевская мысль».

– Так вы из «Киевской миквы»? – вскипел Голубев. —Это в вашей паршивой газетенке пропечатали, что несчастного мальчика зарезала его собственная мать?

Репортер, не ожидавший такой реакции, невольно подался назад и пробормотал:

– Против родных Ющинского имеются веские доказательства.

– Разве вам нужны доказательства, – кипятился студент. – Вы в своей газетенке уверены, что у русских матерей обыкновение такое – мучить своих детей. О француженке, немке, об англичанке вы бы подобное пропечатать не осмелились, а о русской матери – пожалуйста, оклеветали ее перед всем светом. Однако напрасно вы воображаете, что будете иметь дело с незащитной женщиной. Вы с нами будете иметь дело, – закончил Голубев, демонстрируя значок «Двуглавого орла».

– Право, удивляюсь вам, – сказал репортер, разглядывая серебряный значок. – Студент должен сочувствовать всему прогрессивному, а вы состоите в одной компании с разными лабазниками и мясниками.

Голубев хотел было ответить, что содержать лабаз или мясную лавку достойнее, чем проституировать свою совесть в газете. Ведь это староста мясного ряда Козьма Минин во главе нижегородской черной сотни – так издревле именовалось податное посадское население –

освободил Московский Кремль от иноземных захватчиков и их русских пособников. Но тут пролетка свернула на дурно замощенную булыжную мостовую и пассажиры сразу почувствовали, что взяли экипаж не на резиновом ходу. Поневоле пришлось прекратить спор. Оставалось только крепко держаться за поручни и презрительно улыбаться в лицо друг другу. Лошаденка трясла пролетку по круто вздымавшимся вверх горбатым улочкам. Около калиток толпились мещанки в платках и лузгали семечки, бросая шелуху в лужи дождевой воды.

Когда пролетка остановилась у ворот Лукьяновского кладбища, репортер спрыгнул первым и, не поклонившись, скрылся за оградой. Голубев прошел за ним. В конце раскисшей от грязи и истоптанной тысячами ног аллеи гудела огромная толпа народа. К кладбищу были стянуты усиленные наряды полиции. Студент даже не пытался пройти к могиле. Забравшись на раскидистый каштан, облепленный любопытными мальчишками, он заглянул в центр толпы и увидел, что гробик с телом мальчика уже опустили в могилу. Две женщины в черных платках, чьих лиц он не мог разглядеть, бросили в яму по горсти земли, и вслед за этим о крышку гробика застучали комья глины.

– *Sit tibi tea levis*, – прошептал студент. – Да будет земля тебе пухом, несчастный мальчик!

Внезапно над толпой взлетели белые листки. Из-за людских спин выскочил парубок в косоворотке, разбрасывавший поверх голов прокламации. Его лицо показалось Голубеву знакомым, он вспомнил, что видел его на собраниях Союза русского народа. Когда парубок схватил за рукав плотный дядька, в голове Голубева сразу промелькнуло: «Наших бьют!» Он спрыгнул с дерева и отработанным хуком левой свалил дядьку на землю. Затем свистнул парубку, и они побежали, петляя между могил. У кладбищенской ограды оба остановились.

– Бежим! – крикнул Владимир.

– Не могу, – еле перевел дух парубок, – треба трохи отдохнуть.

– Ты что разбрасывал? – спросил студент.

– От це, – парубок протянул листовку.

Голубев едва успел спрятать листок, как прямо на него выскочили жандармский унтер и двое в штатском платье. Студент увернулся от их рук, но его товарищ оказался менее ловким. Увидев, что парня схватили, студент остановился.

– От так-то, паныч, буде добре, – пробасил унтер-офицер, не делая, впрочем, попыток задержать студента. – Сюды, ваше высокобродие, – крикнул он толстому подполковнику в серой с голубым отливом шинели. Жандармского подполковника сопровождала женщина в потертом капоте и едва оправившийся от нокаута дядька.

– Сударыня, благоволите указать на злоумышленника, – обратился подполковник к своей спутнице.

Женщина, близоруко щурясь, ткнула пальцем в парубка, которому унтер-офицер заломил руки, и произнесла с характерным выговором:

– Гроз зол аф дир ваксн! Он разбрасывал листки, чтоб ему в преисподней угли разбрасывать. Заарестуйте его, пане генерал.

– Я не генерал, – поправил ее толстяк, утирая платком мокрое от пота лицо. – Благоволите объявить свое имя и звание для занесения в протокол.

– Юлия Григус. Слушательница акушерских курсов. Собираюсь, не сглазить бы, выучится на дипломированную повивальную бабку

– Правожителство имеете? Вам должно быть известно, что акушерские курсы не относятся к категории высших учебных заведений и их посещение не дает права проживать за чертой еврейской оседлости.

– Я посещаю курсы вечером, а днем служу пищушей барышней в конторе Бродского, дай Бог ему доброго здоровья.

– То есть фиктивно зачислены в штат? Самсон Харлампович, – обратился подполковник к плотному дядьке, потиравшему ухо. – Слышали об этой уловке? Поскольку служащим купцов

первой гильдии дозволено проживать за чертой оседлости, богатые евреи оформляют кучу соплеменников под видом своих конторщиков, приказчиков, слуг. Когда в Москве учинили проверку, выяснилось, что у Лазаря Полякова только поварами числилось пять тысяч человек.

Дядька прогудел в ответ:

– Чому дивитися? У Бродських, мабуть, до десяти тисяч набереться.

– Где прописаны? – осведомился подполковник у слушательницы курсов.

– На Собачьей тропе. У меня бумаги в полном порядке.

– Как же в порядке, если улица Собачья тропа проходит по Дворцовому участку, где евреям, хотя бы и имеющим правожительство, запрещается снимать квартиры!

– Пане офіцер, ваші слова дуже справедливі, ой, як справедливі! – закивала головою жінчина. – Но к Дворцовому участку таки относятся дома по четной стороне, а по нечетной стороне Собачьей тропы проходит граница Печерского участка, где евреям, не сглазить бы, разрешено прописываться. Я, если угодно знать пану начальнику, прописана в нечетном доме.

– Не мельтешили бы вы под ногами в такой день! – в сердцах заметил подполковник и обратился к задержанному парню. – Тебя, молодчик, как зовут?

– Николай Андреев Павлович, – буркнул тот, глядя под ноги.

– Воруешь?

– Никак нет. Я – патриот!

– Ваше имя? – спросил жандарм Владимира.

– Сначала сами представьтесь, – задиристо сказал студент.

– Извольте! Я начальник киевского отделения по охранению общественного порядка и безопасности подполковник корпуса жандармов Николай Николаевич Кулябко. Вы удовлетворены?

Толстый подполковник пристально глянул в лицо Голубеву, собираясь насладиться замешательством, которое вызывало одно упоминание о всеильной охранке. Вопреки его ожиданию студент не дрогнул ни единым мускулом. «В самом деле, чего мне бояться! – думал он. – Ну, начальник охранки! Такой же государев слуга, как все остальные. Пусть его бояться те, у кого совесть нечиста – всякие бомбисты и пропагандисты». И он произнес прежним дерзким тоном:

– Я студент императорского университета Владимир Степанович Голубев. Надеюсь, вы тоже удовлетворены?

Подполковник озадаченно покачал головой:

– Сынок Степана Тимофеевича, такого почтенного профессора! Зачем же вы бьете филеров?

Голубев посмотрел на седого дядьку, потиравшего ухо, и насмешливо бросил:

– Пусть подает на меня в суд. Посмотрим, как филер будет свидетельствовать против студента.

Подполковник Кулябко взял Голубева под локоть и отвел в сторонку.

– Голубчик, напрасно вы пренебрежительно относитесь к филерам, – наставительно заметил он. – Филер, или агент наружного наблюдения, является сотрудником государственной полиции. Согласно инструкции, филеров набирают из запасных унтер-офицеров армии, гвардии и флота по предъявлению ими аттестатов войскового начальства об усердно-отличной службе. Самсон Харлампиевич! – позвал он. – Рекомендую: старший филер Демидюк, из отставных фельдфебелей.

– Попал бы ты, хлопец, в мою роту вольнопером, я бы из тебя дурь выбил! – проворчал старший филер.

– Ничего, это даже к лучшему, что я вас приложил, – сказал Голубев, с удовольствием рассматривая распухшее ухо Демидюка. – А то нас, черносотенцев, обвиняют в сотрудничестве с полицией.

– Не дерзите, голубчик, – нахмурился Кулябко. – Скажите спасибо, что у меня доброе сердце, иначе бы вам драка с рук не сошла. Заберите господина патриота, – приказал он унтер-офицеру. – А вам впредь не рекомендую ввязываться в стычки с сотрудниками охранного отделения.

Оставшись в одиночестве, Голубев вынул из кармана прокламацию. На бумаге синели гектографированные строки: «Православные христиане! Жиды замучили мальчика Андрея Ющинского! Жиды ежегодно перед своей пасхой замучивают несколько десятков христианских мальчиков, чтобы их кровь лить в мацу. Делают жиды это в память страданий Спасителя, которого жиды замучили, распявши на кресте. Судебные доктора нашли, что Андрея Ющинского перед страданиями связали, раздели и голого кололи, причем кололи в главные жилы, чтобы побольше добыть крови! Жиды сделали пятьдесят уколов Ющинскому! Русские люди! Если вам дороги ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России! Пожалейте ваших детей! Отмстите за невинных страдальцев! Пора! Пора!»

Глава третья

10 апреля 1911 г.

Наступила Пасха, которую с такой тревогой ждали в Киеве. Природа словно подтверждала опасений людей. В последнюю неделю Великого поста на город обрушивался шквал за шквалом, ливень за ливнем. Порывистый ветер срывал соломенные крыши хат на Лукьяновке и заставлял дрожать стекла в окнах огромного здания присутственных мест на Софийской площади. Днепр вышел из берегов, вода подступила к Кирилловской улице, а Предместная слободка на другой стороне была полностью затоплена. Киевляне, поеживаясь от холодного ветра, испуганно смотрели на волны, простиравшиеся до линии горизонта. Водомерная рейка у Цепного моста засвидетельствовала, что уровень реки поднялся на две с половиной сажени, а вода все прибывала и прибывала. Распространялись панические слухи, что с верховий Десны и Сожи идет громадный вал талой воды, которая захлестнет город, оставив над поверхностью только крест в руке святого Владимира, что венчал Владимирскую горку.

И лишь в самый канун Пасхи наводнение остановилось, вода еще не спала, но уже прекратила свое наступление. Бурное море, в которое превратился Днепр, успокоилось и ласково заиграло пологими волнами. Черные клокастые тучи замедлили свой безостановочный бег, поднялись выше, посветлели, между ними вдруг появились синие прогалины, и впервые за много дней выглянуло солнце. Воздух заметно потеплел, и вечер страстной субботы выдался теплым и тихим. Сотрудники «Киевской мысли» Степан Бразуль-Брушковский и Марк Ордынский не замечали прелести вечера, торопливо шагая по направлению к Владимирскому собору. У решетки Ботанического сада их обогнала компания мастеровых. Один из мастеровых, обладатель плоской как блин рябой физиономии, подмигнув своим товарищам, пихнул Ордынского в спину, да так сильно, что тот не удержал равновесия и растянулся на булыжной мостовой. Его судорожный пируэт насмешил озорников, заготовивших на всю улицу:

– Дивись, як жид впав! Це тобі не хлопців на Паску ризати!

– Братцы, не озоруйте! – воскликнул Бразуль!

За последние годы уличное хулиганство стало настоящим бичом Киева. Средь бела дня такая вот компания без всякой причины могла избить случайного прохожего, а бывали случаи, когда какой-нибудь босяк останавливал первого попавшегося ему навстречу обывателя и вежливо спрашивал его имя и отчество. Ничего не подозревавший человек отвечал, что его зовут, ну положим, Иван Петров. «Ах Иван Петров! Ты-то мне и нужен!» – кивал хулиган и всаживал несчастному нож в брюхо. Просто так убивали, из чистого озорства!

Стараясь не допустить поножовщины, Бразуль вежливо увещевал пьяных хулиганов:

– Друзья! Мы не помещики и не чиновники. Такие же трудящиеся люди, как и вы! За что вы на нас набросились?

– Мовчи в тряпочку! Теж мени, ерусалимський дворянин знайшовся! – пригрозили мастеровые, скрываясь в ближайшей подворотне.

Бразуль с огорчением потрянул светлыми кудрями. Ну почему иерусалимский дворянин? Что за глупости! Дворянин и, если уж на то пошло, то с богатой родословной. По семейному преданию Лука Бразуль в малолетстве покинул Молдавию, чтобы послужить Петру Великому. Он участвовал в походах против ляхов и шведов, доблестно сражался под Полтавой, терпел лишения на Пруте, даже был посылаем «в шпионы» с увещательными письмами против изменника Мазепы. За свои труды Лука был выкликнут в обозные конного полка, а потом получил универсал на звание козелецкого городского атамана. Сын атамана Никифор пошел по духовной линии. В семейных хрониках значилось: «...был он брухат и наперво прозывался

Брушком, а потомки его – Брушковскими». Так появилась двойная фамилия Бразули-Брушковские, славная в малороссийской истории.

Марк поднялся с земли и принялся чистить светлые брюки. Бразуль попытался утешить друга.

– Ай, оставь! Или трезвыми они лучше? – страдальчески скривился Ордынский.

Бразуль промолчал. Его отец постоянно твердил, что подлый народ добра не помнит. Папаша был мелким чиновником, выслужившим скромный чин коллежского асессора. Перед начальством он лебезил, а на просителях из простонародья вволю отыгрывался, всячески их унижая и обирая. Неудивительно, что они с братом были рады вырваться из этой затхлой старозаветной атмосферы на вольный простор. В чиновники они не пошли, а выбрали литературную стезю, став журналистами, или «щелкоперами», как язвительно бурчал отец. Сыновья отвечали, что не хотят прислуживаться начальству, а будут служить народу, перед коим интеллигенция находится в неоплатном долгу. «В долгу перед быдлом? Жизни не знаете, с подлым народом дел не имели!» – негодовал отец. Прискорбно, но старый чиновник частенько оказывался прав. Как всякий интеллигент, Бразуль любил народ, но люди из народа отчего-то не отвечали ему взаимностью и норовили надуть сострадающего им «барина», а при случае – подставить подножку. Конечно, убеждал самого себя Бразуль, в безобразном поведении фабричных, задиравших прилично одетых прохожих, кроется стихийный протест эксплуатируемых масс против несправедливого социального устройства. Придет время, и они скинут тяжкие оковы и освободятся от векового гнета, а вместе с обретенной свободой изменится и их сознание.

Всего несколько лет назад казалось, что этот светлый момент вот-вот наступит. Еще один натиск, еще одна стачка, демонстрация под красными знаменами, и самодержавие зашатается и рухнет. В первых рядах борцов с царским режимом шли социалисты-революционеры, наследники славных традиций «Народной воли». Их идеи импонировали молодому Бразулю. Сблизившись с эсерами, Бразуль помогал им, чем мог: распространял нелегальную литературу, прятал на своей квартире бежавших из ссылки, ездил агитировать по деревням. В то время почти все так делали, но Бразулю этого было мало. Он мечтал бросить адскую машинку в какого-нибудь министра, на худой конец в губернатора. Положить свою жизнь на алтарь правды – что могло быть лучше и благороднее! Бразуль попытался вступить в БО – Боевую организацию партии эсеров. Он даже специально съездил в Петербург, разговаривал со знакомыми эсерами. Ему пообещали устроить встречу с таинственным «Иваном Николаевичем», который, как шептали на ухо, «ведет весь центральный террор». Товарищи уверяли, что Иван Николаевич сам проверит кандидата, да так конспиративно, что тот и не поймет, что разговаривал с главой БО.

В ожидании судьбоносной встречи Бразуль держал себя как подобало настоящему боевику с бомбой в кармане. Но вскоре ему через партийных товарищей передали, что желающих посвятить себя террору слишком много, а журналисту в интересах общего дела следует сосредоточиться на пропагандистской работе. Бразуль вернулся в Киев так и не поняв, видел ли его руководитель БО или нет. Мучила мысль, что видел и отверг как ненадежного.

И вот через несколько лет «Ивана Николаевича» изобличили как платного агента департамента полиции. Его настоящее имя было Евно Азеф. Одной рукой он посылал боевиков убивать министров и великих князей, а другой – безжалостно выдавал их полиции. Будучи уличен в провокаторстве, Азеф ловко скрылся от возмездия, породив у эсеров ощущение безысходности и ужаса. Всякий попал под подозрение, в каждом видели платного осведомителя. Революция захлебнулась, наступила дичайшая черносотенная реакция, общественная жизнь замерла. К тому же Бразуль женился, родился сынишка, приходилось ломать голову над тем, как содержать семью. Он не изменил своим революционным взглядам, однако отошел от активной партийной работы.

– Слышал, о чем они болтали? – спросил Марк Ордынский.

– Вольно тебе повторять всякие глупости!

– Вот и не глупости. Говорю тебе, власти готовят погром. Мы, евреи, кожей чуем погром. Убийство Ющинского является чистой воды полицейской провокацией. Суди сам, около пещеры было полно следов. И что же? Полицейские по приказу пристава все уничтожили. Случайно? Ой, не лечите меня! Полиция ничего не делает случайно, она хочет свалить убийство на несчастных евреев. Или последний мишугинен не разберет, что преступление совершено родственниками мальчишки? Таки нет, сыскное отделение игнорирует очевидные факты. Я малахольному Мищуку все доказательства преподнес на блюдечке. Другой бы округлил дельце в два счета, а этот шлим-мазл тянет резину. А какие доказательства! Ухожу я от Трайны...

– Я уже сто раз про это слышал, – попытался остановить своего друга Бразуль.

– Ну и что? Или ты умрешь, если еще раз послушаешь? Не кидай брови на лоб, я тебя умоляю! Ухожу я от Трайны Клейн... Ай, что за женщина! Какое роскошное тело! – говоря о своей даме сердца Ордынский сразу повеселел и в восторге поцеловал кончики пальцев. – Попросил перед уходом стакан воды: у нее такой дьявольский темперамент, что я еле ноги уношу. Трайна пошла на кухню и через минуту прибегает со словами, что там прачка рассказывает про убийство Ющинского. Или я не репортер, чтобы проморгать такую сенсацию? Моментально спрятался за дверь и подслушал весь разговор. Оказывается, ехал мимо Предместной слободки один извозчик. Остановили его мужик и баба, спрашивают, довезешь до Лукьяновки? Когда просят подвезти, почему не подвезти? Или извозчик будет против заработать пару грошей? Сели в пролетку, поехали. У них был тяжеленный рогожный куль. Извозчик подумал, не ворованное ли, и спрашивает, что там? Мужик отвечает: «Хлопчик». Извозчик ахнул: «Али вы хворы на голову? Кто так возит дитын?» – «Дохтур его велел в мешке возить». Тут извозчик понял, что ему запускают арапа, да и лошадь у него шарахается, словно покойника почуяла. Короче, высадил их: «К бису ваши гроши!» Мужик и баба, не говоря ни слова, взвалили на плечи мешок и потопали по льду через Днепр. Заметь – мужик и баба, по описанию, точь-в-точь мать и отчим Ющинского. Зарезали мальчишку в Слободке, а труп потащили прятать в пещере.

– Странно, отчего же полиция не арестовала отчима? – удивился Бразуль.

– Таки ты меня спрашиваешь? Они, того и гляди, мать выпустят.

Репортеры помолчали. Потом Ордынский кивнул головой в сторону светло-шоколадных стен Владимирского собора:

– Или я тебе не говорил, что зря торопимся? Народу куча, а писать не о ком. Думаешь, принц сиамский проездом появится? Держи карман шире! Весь бомонд в Софийском! Эх, не ценят нас в «Мысли»!

Бразуль тяжело вздохнул: Марк наступил на большую мозоль. Всем начинающим журналистам пришлось хлебнуть горя в провинциальных периодических изданиях, конкурирующих друг с другом за единственную тысячу подписчиков на всю губернию. Издатели вечно норовили навести экономию. Один редактор и два репортера – вот и весь штат. Будучи редактором в «Подольских ведомостях», Бразуль прибегал в убогую каморку, громко именованную редакцией, первым делом хватался за ножницы и клей. Курьерский поезд, доставлявший столичные газеты, приходил вечером, и надо было успеть нарезать статьи для завтрашнего номера да еще разбавить их местными новостями и сообщениями парижских и берлинских «собственных корреспондентов». Новости из европейских столиц сочинялись тут же на колченогом столе. Приходилось даже вести рубрику «Дамские советы», подписываясь слащавым псевдонимом «Лесная маргаритка». Бразуль говорил друзьям, что, если какой-нибудь дуре и впрямь вздумается составить косметические притирания по его совету, то у нее вся кожа с рожи слезет. Странно, но «Маргаритка» пользовалась некоторым успехом, и в редакцию даже приходили письма от поклонниц.

Тяготясь этой ерундой, Бразуль время от времени помещал статьи на острые социальные темы, и в результате один из номеров «Подольского вестника» был конфискован полицией. Газету закрыли, а на редактора наложили штраф в пятьсот рублей. Таких денег у Бразуля не имелось, и ввиду несостоятельности ему пришлось отсидеть несколько месяцев в тюрьме. Нет худа без добра. Благодаря репутации пострадавшего за свободу слова, Бразуль попал в «Киевскую Мысль», что считалось большой удачей. Газета являлась ведущим прогрессивным органом Юго-Западного края и имела сорокатысячный тираж – самый большой из всех нестоличных печатных органов. Формально её издателем числился владелец типографии Рудольф Лубковский, однако ни для кого не было секретом, что газету финансирует Лев Израилевич Бродский, самый богатый человек в Киеве, если не во всей России. При всем том, «Киевская мысль», издававшаяся на средства сахарного короля, имела левую, чуть ли не революционную окраску. На её страницах регулярно печатались статьи за подписью Антид Отто, и все знали, что под этим псевдонимом скрывается Лев Троцкий. Он жил в Вене, но ходили слухи о его нелегальных приездах в Киев, во время которых он якобы инкогнито посещает редакцию. Столь же известным автором был киевский уроженец Анатолий Луначарский, приславший свои очерки из Италии.

Солидная подписка, доходы от розничной продажи и покровительство Бродского позволили поставить дело на широкую ногу. Редакция «Киевской мысли» располагалась в самом центре города на фешенебельной Фундуклеевской улице. У подъезда дежурил швейцар, все ведущие сотрудники имели просторные и светлые кабинеты. Одно было скверно. Бразулю никак не удавалось проникнуть в узкий круг избранных журналистов. Он мечтал писать репортажи или хлесткие фельетоны, а ему приходилось перебиваться корреспонденциями о пожарах и взысканиях за нарушение санитарного состояния.

– Погоди, вот Брейтман расширит свои «Последние новости» и пригласит нас. Тогда заживем, как Бродский. А еще выгоднее издавать собственную газету! Ходят слухи, что тебя приглашают редактировать «Киевскую копейку»? —ревниво спросил Ордынский.

– Возможно. Пока рано говорить.

– Не хочешь – не говори. Займемся делом! Ступай в храм, а мне, еврею, лучше покрутиться и понюхать снаружи.

Бразуль прошел через резные врата Владимирского собора. О соборе, завершеном и расписанном четверть века назад, говорили разное, чаще ругали его псевдовизантийский облик. Внутри собора плотной массой стояли тысячи людей, и репортеру с трудом удалось протиснуться к западному притвору. Мало кто из прихожан стоял на месте, почти все стремились попасть за ажурную решетку алтарной части. Запрестольная Богоматерь кисти Виктора Васнецова безмятежно взирала на толпу, выстроившуюся в очередь, чтобы облобызать плещаницу. Журналист редко заглядывал в церковь. Он даже не помнил, когда перестал верить в Бога. В детстве еще искренне и горячо молился, а в гимназии уже читал книжки, в которых доказывалось, что человек не создан по образу и подобию Божьему, а произошел от обезьяны. Они с братом стали атеистами мимоходом, без какой-либо внутренней борьбы, хотя в роду было немало священнослужителей и даже один духовник Печерской лавры.

Внезапно зазвучал благовест, означавший начало полуношницы. В канун Пасхи митрополит Флавиан строго наказал, чтобы колокола киевских церквей зазвучали только после того, как ударят в главный колокол на колокольне Софийского собора. Первыми услышали звук главного колокола звонари Михайловского Златоверхого монастыря. Не медля ни секунды, они ударили в свои колокола, за ними вступили звонари Десятинной церкви, и вскоре благовест был подхвачен четырьмя сотнями киевских храмов. Волна праздничного звона, перекатываясь от одной колокольни к другой, достигла Владимирского собора. После возгласа «Благословлен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!» певчие затянули трепетный ирмос. Под торжественный распев появилось духовенство в парчовых одеяниях. Священнослужители

преклонили колена перед плащаницей, подняли ее и поднесли к царским вратам. Врата распахнулись, впустили процессию в алтарь и вновь затворились.

Бразуль хорошо видел все происходившее внутри алтаря, так как иконостас Владимирского собора был устроен по византийскому образцу в виде невысокого ограждения с колоннадой бело-розового мрамора. Служил преосвященный Назарий, а среди сослуживших архиерею репортер узнал протоиерея Трегубова, у которого он несколько месяцев назад пытался взять интервью по поводу скандального происшествия в Первой гимназии. Протоиерей от интервью отказался, лишь сухо пояснил, что прекратил вести уроки Закона Божьего в гимназии после своего избрания членом Государственного совета от православного духовенства. Ох, лукавил святой отец! Весь Киев знал, что гимназисты попросту вытолкали законоучителя в шею, предварительно заставив его помолиться за упокой души Льва Николаевича Толстого.

Скандал произошел осенью, после похорон Толстого, когда во всех университетах и гимназиях начались волнения. Неудивительно, что реакционеры ненавидели Толстого. Разве могли они иначе относиться к писателю, обращавшемуся к Николаю II как равный к равному со словами «любезный брат»? Кто, кроме великого учителя земли русской, осмелился возвысить свой голос против казенного православия? Кто еще мог бросить в лицо архиереям, что они поступают вопреки заповедям, а пышная церковная служба является величайшим кощунством и насмешкой над Христом, запретившим бессмысленное многоглаголение и повелевавшим молиться не толпой в храмах, а в уединении, безразлично в хлеву или в чистом поле? Что могли противопоставить этим словам архиереи? Только отлучение от церкви, немедленно сделавшее Толстого кумиром всего прогрессивного общества.

Бразулю сделалось нестерпимо душно, и он пробился к выходу. Оказавшись на паперти, журналист жадно глотнул свежего воздуха. Двор храма, огражденный решеткой, сиял ярким светом электрических ламп и масляных плошек, развешанных на деревьях. Над головою плыл непрекращающийся колокольный звон. Репортер поискал глазами Ордынского, но тот уже ушел. Бразуль решил не дожидаться крестного хода. Вставить пару фраз о том, что верующие обошли храм, можно будет прямо в редакции. Все равно сократят и заплатят строчек за пятнадцать. Неужели до самой могилы придется тянуть лямку уличного хроникера? Нет, любыми способами надо выбиться в настоящие литераторы!

Бразуля вдохновлял пример Куприна, служившего репортером одной из киевских газет. Сейчас он известный писатель, а начинал с заметок об уличных происшествиях. Иногда позволял себе художественные вольности, но в редакции все это вычеркивали и укоризненно говорили: «Когда же вы, Куприн, научитесь писать?» В прошлом году Бразуль загорелся продолжить нашумевшую «Яму», благо Куприн описал публичный дом, хорошо известный киевской репортерской братии. Но Бразуль опоздал: какой-то ушлый журналист опубликовал вторую часть «Ямы».

Бразуль мечтал поднять какую-нибудь острую тему, разыскать нетронутый пирушкой братией Клондайк. Однажды он по журналистским делам заглянул на Галицкий базар, который все киевляне называли Еврейским. На самом деле любой и каждый, кому случалась надобность что-то продать, смело шел на базар, раскладывал свои вещи прямо на земле и назначал цену, какую хотел. Не было в Киеве места более оживленного и веселого, чем мелочное торжище вокруг железного Ивана, как окрестили церковь Иоанна Златоуста. По странной прихоти городских властей храм с пирамидальной колокольной был собран из металлических конструкций. Остряки с Еврейского базара говорили: «чтобы мыши не изгрызли». Железная церковь оказалась крайне неудачной. Летом она раскалялась от солнечных лучей, а зимой её не могли обогреть четыре печи. Вдобавок стены начали ржаветь. Вот об этом неблаголепии Бразуля и попросили написать заметку для «Киевской мысли». Осмотрев ржавые потеки на листах железа, журналист направился к выходу с базара. Его путь лежал мимо книжного ряда. На лотках громоздились кипы книжек в ярких обложках, в основном последние выпуски

похождений американских сыщиков Ната Пинкертон и Ника Картера. Книжки ходко раскупались не только простонародьем, но и людьми интеллигентного вида. Один господин, перехватив взгляд журналиста, покраснел и пробормотал, что берет единственно для прислуги: «Черт знает как обожает этакую ерунду!»

Бразуля осенило: вот она – золотая жила! Он слышал, что пинкертоновские выпуски вовсе не переводятся с английского. Их кропали полуголодные студенты, нанятые мелкими книгоиздателями. Но зачем писать о далекой Америке, когда российские фармазоны могут дать пять шаров форы заокеанским гангстерам. Положим, о криминальном мире Киева кое-что было написано тем же Куприным, но он лишь вскользь затронул тему. Бразуль задумал создать серию очерков: сначала коснуться экономического положения в связи с воздействием эксплуатации на развитие преступности, затем дать широкую панораму преступности в Южной России и перейти к характеристике воровских профессий, начиная с мелких «марвихеров» и кончая «медвежатниками». В заключение он намеревался описать типы взяточников и казнокрадов, присосавшихся к телу народа, благо киевская действительность ежедневно давала яркие примеры чиновного произвола. Бразуль понимал, что ему следует поторопиться запечатлеть современную ему смутную эпоху, потому что после народной революции никто не поверит, что в России были времена, когда не воровал только ленивый. Увы, газетная суeta не оставляла времени на литературные занятия.

Мысли Бразуля были прерваны пронзительной трелью полицейского свистка, вторгшегося в колокольный перезвон. Он встрепенулся и сбежал с паперти. В дальнем углу двора мельтешили спины и слышались громкие крики. Бразуль увидел городского, державшего за шиворот низкорослого субъекта с придурковатой физиономией. «Карманник из начинающих», – сразу определил он. Кто-то двинул карманнику в зубы. Запахло самосудом, но тут через толпу пробились несколько человек в партикулярном платье. Репортер узнал коренастую фигуру начальника сыскного отделения Мищука.

Бразуль, некоторое время состоявший под негласным надзором, не жаловал полицию, расплодившую шпииков и провокаторов. Впрочем, предвзятое отношение к полиции не мешало Бразулю водить знакомство с киевскими сыщиками. Репортеру нельзя было иначе. К тому же он был готов сделать особое исключение для Мищука. Во-первых, начальник сыскного отделения занимался не политическими, а уголовными преступниками. Во-вторых, он стремился поставить розыск на научную основу. В-третьих, Мищук, в отличие от киевских держиморд, понимал силу печатного слова и предупредительно держал себя с репортерами. Между ним и Бразулем установилось взаимовыгодное сотрудничество. Когда полиция узнавала о тяжком преступлении, Мищук старался предупредить Бразуля раньше других журналистов, а тот в свою очередь помещал в «Киевской мысли» заметки об удивительной прозорливости и расторопности начальника сыскного отделения.

– Со светлым праздником, Евгений Францевич! – приветствовал Мищука репортер. – Задержали карманника?

– Типичный маттоид!

– Кто, кто?

– Маттоид, то есть прирожденный преступник по классификации итальянской антрополого-криминалистической школы. Цезарь Ломброзо указывает на ряд атавистических признаков, позволяющих выявить склонность к преступному ремеслу. Посмотрите, у вора все признаки налицо: морелевские уши, гутчиновские зубы, неестественно малая голова, низкий и скошенный назад лоб, массивные надбровные дуги. Откройте его рот и вы обнаружите седлообразное небо.

Городовые обыскали вора, но, как и следовало ожидать, обыск оказался безрезультатным. Карманники всегда орудовали в компании, быстро передавая украденный кошелек дру-

гим членам шайки. Вор привычно забожился, что совсем понапрасну его обижают, никаких таких делов он не знает. Мищук распорядился увести его в участок, с досадой сказав:

– Итальянцы правы: на людей-зверей не должны распространяться человеческие законы. Ломброзо считает полезным очищать человеческую породу путем умертвления маттоидов, а Гарофало предлагает кастрировать их, чтобы они не могли воспроизводить себе подобных.

– Хорошо, что начальство вас не послушает.

– От начальства поддержки нет, – пожаловался Мищук. – Взять хотя бы церковные праздники. Давно известно, что по этим дням кривая преступности идет круто вверх. Все мазурики стекаются в город в надежде на легкую поживу. Господин Кошко, начальник московской сыскной полиции, накануне праздников производит массовые облавы и всех беспаспортных высылает домой. Эффект, конечно, кратковременный, потому что высланные вскоре возвращаются. Они себя так и называют «Спиридоны-повороты». Зато по праздникам на улицах спокойно. Я предлагал подобную механику в Киеве. Где там! Перед Пасхой вся сыскная полиция занималась убийством Ющинского.

– Как продвигается дознание? Ордынский плакался, что вы пренебрегаете его сведениями.

– Пренебрегаю, потому что никакого внимания они не заслуживают, – отрезал Мищук. – Помилуйте-с! Приносит пустые сплетни! Пригласили мы в сыскное его пассию Трайну Клейн. Она ссылается на прачку Ольгу Семаненкову. Взяли за бока прачку. Выясняется, что дурная баба слышала на Галицком базаре байку про извозчика, который отвез неизвестных с трупом в мешке. Байка – нелепость полнейшая! Кажется, Ордынский неглупый человек, а прибежал в сыскное с таким вздором.

Вообще, смею доложить, «Киевская мысль» мне здорово подгадила. Обидно-с, особенно после полного содействия с моей стороны. Чего стоит хотя бы ваш сотрудник Шимон Барщевский, донесший на мать Ющинского! С чего это ему взбрело на ум, будто Александра Приходько спокойно отнеслась к пропаже сына? Улыбка на ее лице, видите ли, показалась подозрительной! Физиономист какой! Дознанию, милостивый государь, нужны факты. Да-с, факты, а не вздор!

– А как же кровавые пятна на юбке Приходько?

– Выдумки господина следователя. Они прошли курс в университетах-с и нас, настоящих криминалистов, готовы поучать сыскной технике, в которой, к слову сказать, ни бельмеса не смыслят. Немудрено, что вышел пшик. По результатам химического и микроскопического исследований установлено, что бурые пятна на юбке являются следами растительного сока. Еще отличился Брейтман из «Последних новостей». По его словам, мальчика зарезали цыгане из табора недалеко от Предмостной слободки. Брейтман утверждает, что цыгане пытались похитить Ющинского, чтобы заставить его выпрашивать милостыню.

– Вполне логичная версия.

– Выеденного яйца не стоит! Табор действительно стоял у слободки, но снялся за месяц до исчезновения Ющинского. Это проверил подполковник Иванов-второй из губернского жандармского управления.

– Позвольте, почему убийством мальчика занимается тайная полиция? – воскликнул репортер.

– Вы лучше спросите, кто этим убийством не занимается? Сыскному отделению не доверяют. Прекрасно-с! Привлекли губернское жандармское управление. Хорошо-с! Потом задействовали еще и охранный отдел в главе с подполковником Кулябко. Великолепно-с! Только толку будет ноль, потому что охранка вербует осведомителей среди интеллигентов. Для розыска по уголовным делам их агентура совершенно бесполезна. Но погодите с охранным, это еще цветочки! В дело вмешались истинно русские. В сыскное уже заходил Голубев из «Двуглавого орла».

– Представьте, я его знаю, – восторженно репортер. – Имел несчастье познакомиться на похоронах Ющинского. Но ведь Голубев всего лишь студентик. Чем он вас застрашал?

– Вам легко говорить, вы птица вольная. Голубев, точно, недоучившийся студентик. Только он грозит пойти к митрополиту и генерал-губернатору, и, будьте покойны, секретаря патриотического Союза молодежи везде примут и обласкают. Были бы против Приходько настоящие улики, плевал бы я на Голубева и иже с ним. Однако улики нет – вот в чем беда! Теперь этому делу свободно могут придать соответствующую окраску, дескать начальник сыскного отделения по наущению евреев арестовал невинную женщину. Не знаю, как поступить? Отпустить ее не хочется, с другой стороны, и держать под стражей нет оснований.

Высокие двери собора распахнулись, и на пороге появились диаконы в серебристых стихирах с фонарем и образами. Под тихое пение «Воскресение твое, Христе Спасе» за духовенством двинулись люди с зажженными свечами, продетыми в бумажные кружочки, чтобы не обжечь руки горячим воском. Бесчисленные огоньки сливались в широкую огненную реку, словно храм извергал поток лавы. Толпа подхватила Бразуля и Мищука, и они влились в общий поток, медленно продвигавшийся вдоль ограды. В крестном ходе принимало участие столько людей, что передние ряды уже обогнули собор, а последние еще только выходили из дверей. Колокольный перезвон становился все мощнее и оглушительнее. Двери собора, выпустив последних участников крестного хода, затворились. Внезапно умолкли колокола, и перед собором началась утренняя. Духовенство запело:

– Да воскреснет Бог и расточатся враги его...

Бразуля невольнохватило общее воодушевление. Как он ни сопротивлялся этому чувству, на него нахлынуло радостное умиление. Когда епископ Назарий провозгласил: «Христос воскрес!», а в ответ раздался ликующий многоголосый хор: «Воистину воскрес!», на глаза Бразуля навернулись слезы. Чтобы стряхнуть с себя этот дурман, он наклонился к Мищуку и, стараясь выдержать насмешливый тон, шепнул:

– Благостная картина. Хочется каяться и просить прощения у ближних...

Он осекся, увидев взволнованное лицо сыщика. Размашисто перекрестившись, Мищук ответил:

– Как вы правы! Величественный момент! Забываем, что нам, православным, надлежит быть милосердными. Я помолился Господу, и молитва просветлила мое сердце. Утром съезжу в дом предварительного заключения и распоряжусь освободить Александру Приходько. Пусть хоть Светлое Воскресенье проведет по-христиански. Арестовать ее снова всегда успеем.

Глава четвертая

18 апреля 1911 г.

На Лукьяновском кладбище собрались черносотенцы. Панихиду по невинно убиенному отроку Андрею отслужил почетный председатель «Двуглавого орла» отец Федор Синкевич. Когда певчие хора Союза русского народа отошли от могилы, студент Владимир Голубев принял деятельное участие в установлении массивного дубового креста. Вокруг плескались на ветру знамена черносотенных союзов. Голубева радовало, что в Киеве было много монархических обществ, но до слез огорчало, что патриоты никак не могли объединиться. Вот и сейчас, едва начали произносить речи, вспыхнул скандал. Стоило отцу Михаилу Алабовскому упомянуть о том, что на экстренном заседании губернского отдела Союза русского народа было решено обратиться за помощью в расследовании изуверского убийства к правым депутатам Государственной думы, как среди черносотенцев раздались возмущенные голоса:

– Что могут депутаты-обновленцы? Лижут зад Столыпину, этому жидовскому батьке! Надо бить челом Государю...

Голубев устыдился этих неуместных препирательств, и когда подошла его очередь говорить речь, встал у могильного холмика и дрожащим от волнения голосом воскликнул:

– Крест за моей спиной. На нем начертано: «Андрею Ющинскому от киевского отдела Союза русского народа». Лучше бы начертать: «От всех православных русских людей». Помните августейшее напутствие: «Объединяйтесь, русские люди! Я рассчитываю на вас». Как же мы, верноподданные, исполняем государеву волю? Устраиваем распри над свежей могилой в то время, как изуверы готовят христианским детям новые гробы! Клянусь жизни не пожалеть, чтобы найти злодеев и успокоить душу невинно убиенного дитяти!

Произнесенная срывающимся голосом клятва произвела фурор. К студенту подходили люди, жали ему руки.

– Вы правы, мой юный друг, – говорил Адам Любинский, председатель киевского губернского отдела Союза Михаила Архангела. – Жиды подбрасывают нашим горе-пинкертонам одну лживую версию за другой. *Salomniez, salomniez!* Клевещите, клеветайте! Что-нибудь обязательно пристанет!

Стоявший рядом с ним грузчик, член Союза русских рабочих, подхватил:

– Колом их, колом! Це вы, пане, дюже гарно гуторите. Русскому человеку плюнуть некуда. На пристань не суйся, артели грузчиков сплошь из жидов и нанимаются за гроши.

Адам Любинский отвел Голубева в сторону и таинственно зашептал:

– В моем распоряжении имеется редчайший документ, проливающий свет на историю ритуальных убийств. Могу одолжить вам на время. Манускрипт на латыни, но вы наверняка разберете.

Голубев положил в карман свиток и поблагодарил. Кто-то тронул его за локоть. Студент обернулся и увидел невысокую женщину в черном траурном одеянии. Лихорадочный румянец на щеках выдавал несомненную чахотку. Задыхаясь от кашля, женщина сказала:

– Паныч, миленький, я – Наталья Ющинская, тетка убитого Андрюшеньки. Слышала, як вы поклялись пошукать злодеев. Помогите, Бог вас отблагодарит!

Наталья сквозь слезы рассказала о погибшем мальчике. Из ее бесхитростного повествования Голубев узнал, что, распроставшись с надеждой завести собственную семью, она перенесла нерастрченную любовь на племянника. Дав себе слово вывести Андрюшу в люди, она поместила его в Софийское духовное училище. В случае успешного окончания училища мальчик смог бы поступить в духовную семинарию.

– Андрюша выбрал пастырскую стезю? – расспрашивал Голубев. – Чем его привлекал священнический сан?

– Як же? – удивилась Наталья и бесхитростно пояснила. – Андрюша був розумний хлопчик. Вин знав, шо пойдешь по этой линии, всегда будешь сытый, с панями будешь знаться. Тильки не привел Господь!

В училище Андрея прозвали Заднепровским, потому что он каждый день приходил в Киев по Цепному мосту из Предмостной слободки, расположенной за рекой. Мать и отчим мальчика снимали жилье на одной улице, а Наталья с бабкой поселились на другой. С малых лет Наталья клеила коробки, причем в последнее время работала исключительно на шляпный магазин Манделя.

– Бачили, верно, первое шляпное заведение на Крещатике, – с гордостью подчеркнула она. – Мандель ценит меня, поручает робить самые дорогое футляры, обклеенные бархатной бумагой.

По словам тетки, Андрюша большую часть времени проводил в её доме, но незадолго до Пасхи в магазин привезли парижские шляпки весеннего сезона. Чтобы сделать футляры к сроку, Наталье пришлось обратиться за помощью к своему брату Федору Нежинскому, перебивавшемуся случайными заработками. Брат временно перебрался к Наталье, и вследствие этого племяннику пришлось ночевать у матери. Вечером 11-го марта Андрей занес четверть фунта кнопок-пистонов, купленных в городе по поручению тетки. Оставшийся на сдачу пятак она подарила племяннику. На следующий день, 12 марта, после занятий в училище мальчик должен был ожидать тетку на Крещатике, чтобы помочь ей выгрузить футляры и обвязать их лентами. Обычно они встречались у входа в магазин, но на сей раз Андрюши не было.

– Я его, бедняжку, обругала, а он, бедненький, об это самое время лежал зарезанный... – взрыдала Наталья и зашлась в надрывном кашле.

В тот день она долго провозилась со сдачей заказа и вернулась в Слободку поздно вечером. Тетка думала, что мальчик у матери, а мать решила, что он заночевал у тетки. Поэтому Андрюшу хватились только утром следующего дня. Александра Приходько отправилась в город на поиски. В Старокиевском участке ей посоветовали сходить в анатомический театр, посмотреть, не зарезало ли мальчика трамваем. После этих слов мать упала в обморок, и ее пришлось отливать холодной водой. На следующий день к поискам Андрюши был привлечен брат Федор, а Наталья послала сестру в редакцию «Киевской мысли» напечатать объявление о пропаже мальчика.

– Я дала Сашке пять рублей заплатить за объявление, но в редакции сказали, шо они объявления о пропаже людей печатают бесплатно. Мы тогда подумали: есть же добрые люди на свете. Як вони вывернули!

– Были ли у Андрюши знакомые из жидов?

– Як ни було? Андрюша дружил с мальчиком Арендарем, выменивал у него голубей. Но Арендари людины добрые. Да и негде в Слободке зарезать, то в Киеве его загубили. Не знаю, на кого и подумать? Пошукайти злодеев, паныч. Господь вам воздаст!

Поговорив с теткой Ющинского, студент решил осмотреть пещеру, в которой нашли тело убитого. Причем осмотреть сейчас же, немедленно. Такой у Голубева был характер. Если уж он чем увлекался, то забывал обо всем на свете. Он вышел за ограду Лукьяновского кладбища и двинулся в сторону Загоровщины. Из-за плохого знания местности он изрядно поплутал и вышел в глубокий и сумрачный Бабий Яр, но потом, глянув на солнце, сообразил, что взял слишком вправо, и через густые заросли и поваленные деревья выбрался на Багговутовскую улицу. На этом древнем пути, шедшем от Подола по склонам Юрковицы, сахарозаводчик Лазарь Бродский построил лечебницу для евреев. Она состояла из нескольких двухэтажных и трехэтажных зданий, стоявших в некотором отдалении друг от друга. По дорожкам прогу-

ливались больные. Неподалеку находилось еврейское кладбище, и Голубев увидел печальное шествие. «Носить вам не переносить!» – мысленно напутствовал он похоронную процессию.

Багговутовская улица незаметно перешла в Верхне-Юрковскую. Дойдя до водокачки, Голубев встретил молодого человека в летней студенческой тужурке. Его лицо, украшенное необыкновенной длины усами, показалось Голубеву знакомым. Определенно, он видел его в университете. Кажется, у него были простые немецкие имя и фамилия, что-то вроде Отто Шмидта. Говорили, что профессор Граве, основоположник киевской алгебраической школы, собирается оставить его на кафедре чистой математики.

Владимир окликнул Шмидта и узнал, что ему следует повернуть влево на Половецкую улицу и по ней дойти до Нагорной. Шмидт объяснил все подробно и математически точно:

– Собственно говоря, Нагорная только называется улицей, а на самом деле там почти нет строений. Я, так сказать, здешний обыватель, живу на Верхне-Юрковской, а вам необходимо пройти монопольку. Если заплутаете, смело обращайтесь к местным мальчишкам. Они, словно заправские чичероне, превратили показ пещеры в доходный промысел.

– Ритуальное убийство превращено в фарс, – с горечью сказал Голубев.

– Ну, это преступление напрасно называют ритуальным, обыкновенная уголовщина, – уверенно возразил Шмидт.

– Как вы можете об этом судить! – нахмурился Голубев. – Всем известно, что перед Пасхой пропадают христианские дети.

– В Киеве ежедневно исчезают дети. Убегают из дома, тонут, становятся жертвами преступников, но это привлекает всеобщее внимание только перед Пасхой. Впрочем, вы, как я вижу, апологет ритуальной версии. Успеха вам пожелать не могу и руки на прощание, извините, не подам!

– Не собираюсь удостаивать вас такой чести, – запальчиво отозвался Голубев.

Монополька, на которую указал Шмидт, размещалась в единственном на всю улицу двухэтажном кирпичном доме. На углу дома красовалась жестяная табличка с номером сорок. Через несколько домов Верхне-Юрковская улица заканчивалась, переходя в поросший кустарником луг, который на картах значился Нагорной улицей. Плоская вершина Юрковской горы постепенно сползала вниз, превращаясь в изрезанный оврагами склон. К пещере была протоптана широкая тропинка. Около входа суетились мальчишки. Завидев студента в парадной форме, они бросились к нему с предложением услуг.

– Геть отсюда, байстрюки! – грозно прикрикнул на них Голубев.

У входа в пещеру валялись огарки свеч, оставленных зеваками. Студент поднял огарок, зажег его и протиснулся внутрь пещеры. В боковом ответвлении была неглубокая ниша, на стенке выделялось темное пятно. Голубев отковырнул перочинным ножом кусочек и положил его в носовой платок. Недалеко от входа темнело еще одно пятно. Студент мысленно рассуждал, стараясь подражать Шерлоку Холмсу. В пещере всего два кровавых пятна: одно в нише, где голова мальчика соприкасалась со стеной, другое, совсем маленькое, у входа – скорее всего преступники случайно оставили кровавый след, затаскивая труп внутрь.

Следующий час Голубев методично обшаривал склоны оврага, но ничего примечательного не нашел. Постепенно подкрался вечер, голоса людей вдали стихли. Глядя на поднимающийся с луга туман, студент ломал голову над тем, кто мог спрятать тело убитого в пещере. В полутьме угрожающе шумели деревья и казалось, что кто-то крадется к пещере. Говорят, что злодеев тянет на место преступления. Голубев подумал, что неплохо бы устроить засаду. Мелькнула мысль, что мать и отец сойдут с ума от волнения, если он без предупреждения не придет домой ночевать, но он тут же одернул себя: «Неужели я боюсь, ищу предлога, чтобы уйти домой, в безопасное место? Нет, конечно! Докажу самому себе, что я не трус». Студент сжал эфес шпаги и решительно шагнул в зловещую пещеру.

От глиняных стен тянуло могильной сыростью. Владимир сел в нише, согнув ноги в коленях. Через полчаса, когда зубы начали выбивать непрерывную дробь, он пожалел, что не захватил из дома шинель. Стараясь согреть пальцы, он сунул руки в карманы и нащупал манускрипт, полученный от Адама Любинского. Прекрасная возможность скоротать время. Надо только сделать так, чтобы свет не был виден снаружи. Он чиркнул спичкой о подошву сапога, зажег огарок свечи, укрепил ее в нише и поднес к глазам свиток, стараясь разглядеть полустертые латинские литеры.

Документ был датирован 1753 годом – в ту эпоху Правобережная Украина ещё пребывала под властью Речи Посполитой. Манускрипт представлял собой приговор житомирского коронного суда и был составлен на запутанной латыни, совсем не похожей на простой и изящный стиль записок Юлия Цезаря или поэтических произведений Овидия, которыми пичкали гимназистов. С трудом одолевая нагромождение судебных терминов, он перевел несколько периодов, и его сразу бросило в жар. Больше всего студента поразило, что трагедия, разыгравшаяся более полутора столетий тому назад в окрестностях Житомира, до мельчайших подробностей напоминала убийство на окраине Киева.

Перед польским коронным судом предстали несколько евреев из местечка Маркова Вольница. Поскольку обвиняемые путали и сбивали следствие, коронный суд постановил: «ad investigandam rei veritatem» – «в целях постижения правды дела, дабы Мастер Святой Справедливости...». Студент на секунду задумался, потом сообразил, что так называли палача. «Дабы Мастер Святой Справедливости испытал обвиняемых *«ter ad moto igne»* – при трехкратном приближении огня». В результате было установлено, что арендаторы Янкель и Эля, подстрекаемые раввином Шмайером, похитили шляхетское дитя по имени Стефан, четырех лет от роду, которое шло домой в Маркову Волицу от воза, на поле стоящего, с какового ссадил его отец, рожденный Адам Студзинский. «Двое неверных поймали оное дитя и увели в чашу, где неверный Эля до поздней ночи разными словами его развлекал. Засим неверный Янкель, найдя лошадей, привез шляхетское дитя в кабак, в Марковой Волице находящийся, накормил хлебом, обмакнутым в водке, и положил за печку, где оно целую ночь спало».

На следующее утро в Маркову Волицу прибыли павлоцкий раввин Шмайер, его сын Шмайер-младший, а также синагогальный служка Кива и еще двенадцать евреев из соседних местечек. Изуверы разбудили ребенка и «поставили его ногами на миску, на столе стоящую, а после дьявольской молитвы или собственного богохульства раввин Шмайер ножичком его в сердце ударил, другие же гвоздями и большими булавками попеременно его кололи и мучили и гвозди за ногти вбивали, соревнуясь друг с другом без боязни, принимая в своем заблуждении „pro actu meritorie scelestum facinus“ – преступное дело за доблестный поступок, поднимая его руки вверх и вниз их опуская с целью более сильного истечения крови, друг друга заменяя при истязании дитяти. Наконец, неверный Шмайер, харлеевский арендатор, едва дышащее после столь тяжких мучений дитя за голову взяв, свернул ему шею и держал его до исхода души и выточении последней капли крови».

Оторвавшись от свитка, Голубев с содроганием взглянул на кровавое пятно перед своими глазами. Наверное, то была последняя капля крови, выточенная из ребенка. Он представил, как извивается слабое тельце в руках изуверов, как фонтаном бьет кровь из голубой жилки на виске, как трепещет и опадает от последнего удара детское сердечко. А потом обескровленный труп прячут в пещеру в нишу, пред которой он сейчас сидит. Ему стало жутко, но студент, пересилив себя, снова углубился в страшное повествование. Изуверы, «разделив кровь ребенка в разные сосуды, „*cu praedo inocentis sanguinis*“ – с добычей невинной крови разбежались», бросив детское тело в роще, где оно было найдено его отцом шляхтичем и местными крестьянами.

Вот и последние строки свитка. Коронный суд постановил: «чтобы неверных раввина и Киву павлоцких, Мейера Мордуховича Шмайера-сына, харлеевского, Элю и Янкеля, арен-

даторов из Марковой Волицы, как первых зачинщиков и главарей бесчеловечного, более чем языческого неистовства, предводителей и изобретателей, Мастер Святой Справедливости с рыночной площади и от позорного столба из города Житомира провел бы с обеими руками, связанными по локти конопляными веревками, облитыми смолой и зажженными, под виселицу, стоящую в стороне села Станимово, и приведя их под ту виселицу, чтобы по три полосы кожи со всякого содрал и затем живьем четвертовал, головы на кол вбивал и четверти по кольям поразвешивал».

Дочитав свиток, Голубев прислонился плечом к глиняной стене и закрыл глаза, вообразив жестокую казнь во всех подробностях. Вот процессию осужденных подводят к плахе. Мастер Святой Справедливости отсекает топором голову изувера и насаживает ее на кол. Бородатая голова мучительно закатывает глаза и беззвучно шевелит толстыми вывороченными губами. Внезапно глаза открываются и изумленно таращатся на студента. Владимир вскрикнул, и в тот же миг голова исчезла из проема пещеры. Он сидел, ничего не понимая, и вдруг сообразил, что какой-то человек с черной включенной бородой только что заглядывал в пещеру. Выхватив шпагу, студент выскочил из пещеры. К его удивлению наверху уже брезжил рассвет. Наверное, он провел много времени за переводом, а потом нечаянно задремал. В белесой предрассветной мути можно было разглядеть стволы деревьев. Студент прислушался. Полнейшая тишина. Теперь он уже не знал, был ли человек или ему приснилось?

Пройдя несколько сот шагов, он чуть не свалился в глубокий яр, на другой стороне которого шла глухая деревянная ограда. Голубев спустился вниз, и его ноги увязли в светло-желтой глине, размываемой небольшим ручьем. Перебравшись через овраг, он осмотрел деревянную ограду. Забор был старым, из прогнивших досок, но в одном месте белела свежая заплатка. Студент подтянулся на руках, влез на забор и огляделся. Перед ним примерно в ста саженях торчали две высокие кирпичные трубы. По длинным навесам, под которыми сохли штабеля необожженного кирпича, нетрудно было догадаться, что перед ним довольно большой кирпичный завод. Юноша спрыгнул вниз и оказался на совершенно безлюдной территории. Он прошел мимо одного из длинных навесов, в конце которого была устроена гофманская печь с дюжиной загрузочных отверстий, напоминавших голодные пасти. За гофманской печью находилось приземистое бревенчатое здание. Из крошечного окошка под самой крышей доносилось лошадиное фырканье.

Уже полностью рассвело, но вокруг по-прежнему не было ни души. Ниже по склону зияла огромная яма, на краю которой приютились незаконченные постройки. Очевидно, это было глинище, откуда брали материал для изготовления кирпичей. Голубев обернулся и увидел нечто любопытное. Склон горы был выровнен, и посередине утоптанной круглой площадки торчал столб с поперечным бревном, к которому крепились два больших колеса. «Должно быть, от старинных пушечных лафетов», – подумал студент. Подобные сооружения предназначались для растирания глины и назывались «мяла». В мяло запрягали лошадей, они брели по кругу, лафетные колеса катились по земле и растирали глиняные комья в однородную массу.

Мяло чем-то напоминало карусель на Контрактовой ярмарке. Владимиру захотелось согреться, и он, упершись руками в перекладину, толкнул громоздкое сооружение. Лафетные колеса с трудом сдвинулись с места и медленно покатались. Потом их ход убыстрился, и мяло закрутилось, как настоящая карусель. Юноша повис на перекладине, мимо него медленно проплывали навесы для сушки кирпича. Вдруг краем глаза он увидел человека, вышедшего из-под навеса. Бороздя каблуками мокрую глину, Голубев попытался остановить мяло, но центробежная сила вытолкнула за пределы площадки. Не удержав равновесия на скользкой поверхности, он опрокинулся навзничь и, словно по ледяной горке, подъехал прямо под ноги чернобородого мужчины с суковатой дубиной в руках.

Владимир пружинисто вскочил на ноги, изготовившись для защиты, но человек с дубиной не собирался нападать. Внешностью он был наделен, как любили говорить обитатели

черты оседлости, «по образу и подобию Божьему». Крючковатый нос занимал добрую треть лица, испещренного глубокими морщинами. Картину дополняли длинные пейсы. Чернобородый подслеповато щурился из-под очков в тонкой стальной оправе, потом, отбросив дубину, удивленно поднял плечи.

– Я хотел прогнать лукьяновских хлопцев и шо бачу? Взрослый паныч катается на мяле, як малое дите?

– Ты кто такой? – спросил Голубев.

– Хорошенькое дело, кто я такой? Я таки приказчик кирпичного завода. А вот кто такой буде паныч и шо он робит здесь в ранний час? Але паныч высматривает лошадей в конюшне? Таки пусть паныч не беспокоится понапрасну, там не лошади, а хвороба, шо самый бедовый конокрад не позарится.

– Не ты ли заглядывал в пещеру, где нашли тело замученного жидами отрока? – сурово спросил Владимир.

Еврей в ужасе замахал руками.

– Вай мир! Такой молодой, разумный паныч повторяет, прошу прощения, глупости. Я простой человек, святой Торе не обучен, но я знаю, шо никак нельзя загубить чужую душу, да еще, страшно сказать, душу ребенка! Мы, евреи, обожаем детей. Бог за наши страдания наделил нас плодovitостью, я отец пяти детей. У меня сын Пиня, гимназист, такой умный, нет головы светлее в целой империи. Разве я могу желать зла другим родителям? Я много лет живу на Лукьяновке, и спросите людей, обидел ли я кого? Таки вам расскажут, как однажды хоронили одного бедняка и хотели пронести его на кладбище прямой дорогой через яры. Хозяин соседней усадьбы, русский, пусть то заметит себе паныч, не захотел, чтобы гроб несли через его владения, а я дозволил пройти через завод. Потом все дивились, что православный запретил, а жид разрешил.

– Охотно верю. Вы рады похоронам православных! Как это у вас говорится: «Сегодня один, завтра другой!» Ну, да ладно, я до тебя еще доберусь!

Студент недобро посмотрел на еврея-приказчика, выждал, когда тот отвел взор, и только после этого повернулся к нему спиной. Он пересек площадку и уткнулся в ветхий забор. Часть досок была выломана, и студент без труда нашел брешь, которая привела его в соседний сад. За стволами приготовившейся зацвести черешни и голых еще яблонь виднелось какое-то строение. Толстая баба, стоявшая на крыльце с корзиной белья, подозрительно взглянула на студента, кривоногий мужичонка высунулся из окна флигеля и проводил его любопытным взором. Владимир подошел к воротам и уже собирался выйти на улицу, когда услышал звонкие детские голоса. На ступеньках наружной деревянной лестницы, которая вела на второй этаж кирпичного дома, примостились две девчонки, по виду лет восьми-девяти, и мальчишка, чуть старше их возрастом. Девчонки громко зевали, но, увидев испачканный парадный мундир Голубева, сразу оживились и захихикали.

– Ось який гарный паныч! Брудний як поросся!

– Я упал с мяла, – пояснил студент, пытаясь отряхнуть мундир.

– Ой, незграбний! Мы вси катаемося на мяле, тильки не падаемо, коли Мендель нас шугае.

При этих словах студент сразу же встрепенулся. Надо бы подробнее расспросить девчонок о порядках на заводе, о подозрительном Менделе. Чем бы их расположить в свою пользу? Пошарив по карманам, он обнаружил несколько мятных конфет и протянул их девочкам. Младшая бойко потянулась к конфетам тоненькой ручонкой, за ней то же самое сделала старшая. Мальчишка не притронулся к угощению.

– Угощайся, Женька, будь ласка! Паныч задарма дае!

Но Женька не поддался на уговоры сестер. Он смотрел на студента злым взглядом исподлобья, словно зверек, готовый искусать протянутую ему руку. Голубев спросил девочек:

– Вкусно?

Они обе заговорили, не прекращая чавкать набитыми ртами:

– Известно, конфекты. Нам Мендель гостинец носил.

– Вы же сказали, что он вас гонял?

– Известно, гонял. А на другой день пришел с кульком конфект и просил не трепаться, шо вин нас гоняв.

– Вы знали Андрюшу Ющинского, которого недавно убили?

– Андрюшку? Домового? Бедовый був хлопец. Ходил по кладбищу ночью и не боялся мертвяков. Тому його прозвали Домовым.

– Женя, ты дружил с Андрюшей? – спросил Голубев конопатого мальчишку.

– Отлезь, гнида! – грубо ответил тот.

Голубев сообразил, как разговорить его. Мальчишка держал в руке странное сооружение, представлявшее собой грубую модель аэроплана. Кивнув на деревянную модель, студент сказал:

– Это ведь не «фарман». Похож на аэроплан Сикорского.

– Так и есть! Сикорского, – сразу оживился подросток, – як его ероплан бачил, так и зробил. – Сам зробил, тильки инструмент брал у Пашки Француза.

– Отличная модель, – похвалил студент. – Хочешь я тебе устрою посещение мастерской Сикорского на Куреневке?

– Бреешь! – подросток от волнения привстал со ступеньки.

– Игорь Сикорский – мой приятель, – заверил студент.

Голубев прикинул, что всегда может сводить мальчишку к Сикорскому, одному из учредителей патриотического общества молодежи «Двуглавый орел». Но сначала надо вывести у этого Жени, не заходил ли к нему Андрюша после переезда в Слободку?

– Домовой-то? – неохотно протянул конопатый. – Домовой забегал несколько раз. Мы из рушницы стреляли. Ему Павлушка Француз зробив гарную рушницу за полтину. На лугу стреляли, потом кончился порох. Ну, мы разошлись. Тильки больше его не бачил, а через неделю его нашли в пещере.

«Через неделю! – отметил про себя студент! Тело Ющинского обнаружили 20-го марта. Из дома он ушел как раз за неделю до этого и был убит, очевидно, в тот же день. Выходит, сидящий на ступеньках мальчишка был одним из последних, если не последним, кто видел Андрюшу живым. И происходило это рядом с пещерой. Тропинка от пещеры ведет к забору, там был пролом, через который можно было вытащить труп. Дыра забита недавно, ясно, что кто-то хочет скрыть все следы. А приказчиком-то на заводе жид Мендель! Чувствуя, что он близок к цели, Владимир спросил Женю, куда направился Андрюша после того, как они постреляли на лугу.

– Пошел до церкви святого Федора. Сказал, шо мает там дело...

– Шо ты, стервец, несешь! – раздался громкий оклик сверху.

Дети мгновенно бросились врасыпную. Подняв глаза, Голубев увидел на веранде второго этажа женщину, грозившую убегающим детям. Лицо женщины напомнило студенту Шахеразаду на титульной странице «Тысячи и одной ночи», подаренной ему в детстве. С искусной рассказчицей из арабских сказок ее роднила матовая смуглая кожа, нос с горбинкой и крутые арки атласных бровей. Но самым примечательным были черные глаза, подобные ночному омуту, который много чего скрывает в своей бездонной глубине.

– Шо ты лезешь к моим детям? Али ты сыщик? – с угрозой в голосе спросила женщина, спускаясь вниз по деревянной лестнице.

Она ни секунды не могла устоять на одном месте. Ее невысокая сухощавая фигура беспрестанно перемещалась справа налево, вперед и назад,

– Сударыня, я студент.

– Сыщики тоже всякое платье надевают, – сказала женщина все еще недоверчиво, но уже постепенно успокаиваясь. – Где это вы, пан студент, так измазались? Заходите до меня. Я помогу вам вычистить платье.

Голубев удивился мгновенной перемене в ее поведении. Теперь она разговаривала дружелюбно и спокойно, на ее лице играла приветливая улыбка, и речь ее уже не звучала грубо и простонародно. «В самом деле, в таком виде нельзя показаться в городе, – подумал Голубев. – Кстати, надобно её расспросить, она могла кое-что слышать от своих детей». Поднимаясь по лестнице вслед за женщиной, он успел оценить ее вызывающую походку. Она так раскачивала бедрами, обтянутыми тугим шелковым платьем, что студента пробрала дрожь. Женщина открыла дверь застекленной веранды, служившую общим коридором. Половину веранды загромождала ширма, предназначенная, должно быть, для того, чтобы скрыть от посторонних глаз гостей, которые посещали квартиру. Но эта предосторожность, как тут же пришлось убедиться Голубеву, не достигала результата. Не успели они зайти за ширму, как за их спинами отворилась дверь и раздался отчетливый шепот:

– Опять Сибирячка нового хахала привела. Нет от вас покоя, хоть беги с Горы. Вчера оргию устроили, сегодня с утра пораньше. Я, коллежский регистратор, найду на вас управу! Буду жаловаться!

Женщина резко обернулась и в один прыжок, как разъяренная кошка, перескочила веранду.

– А ты не подглядывай, зараза! Слюнки текут, что тебе не дают! Жаловаться он будет, я тебе пожалуюсь! Моргну хлопцам, они тебя живо подколют!

Коллежский регистратор был начеку и быстро захлопнул дверь. Смуглянка несколько раз пнула дверь и грубо выругалась.

– От сосед, лихоманка його трясет! Не можно добрать, яку погань удумает! Я Чеберякова, или по-здешнему Чеберячка. Злыдни переделали в Сибирячку, – зло бросила она, но тут же спохватившись, что говорит, словно базарная торговка, приняла аристократический вид и произнесла вполне светским тоном. – Вы бы, милостивый государь, сказали, как вас величать?

Голубев представился, женщина в ответ сделала нечто вроде реверанса.

– Рада знакомству. Вера Владимировна Чеберякова, дворянка, законная супруга чиновника почтово-телеграфной конторы. Мой муж сейчас на дежурстве.

Квартира Чеберяковых состояла из четырех помещений, которые трудно было назвать комнатами. Домовладелец просто разгородил фанерными стенами тесные клетушки. Слева от входа располагалась кухня. Голубев заметил круглую деревянную бадью и подумал, что в квартире нет ванной. Направо от кухни были две смежные комнаты. В той, что поменьше, стояла широкая кровать с никелированной спинкой. На пестром одеяле возвышалась горка подушек, прикрытых простыми холщовыми покрывками. Одна подушка была без наволочки.

Вера Чеберяк провела Голубева в гостиную, единственное более или менее приличное по размеру помещение. Дешевенькие обои на стенах были оборваны по краям и покрыты жирными пятнами. На полу лежал замызганный ковер, в углу стоял рояль со сломанной крышкой. Кисейные занавески на окне имели такой вид, будто о них вытирали грязные руки. Так, наверное, и было, потому что на столе громоздились остатки вчерашнего пиршества. Хозяйка, ни капельки не смущаясь разгромом, царившим в жилище, пыталась найти на столе хотя бы одну не полностью опорожненную бутылку. Когда поиски ни к чему не привели, она вышла в соседнюю комнату, откуда вскоре послышался ее голос.

– Проснись, Павлуша!

Голубев заглянул в комнатушку и увидел, что Вера Чеберяк присела на кровать и тормошит человека, спавшего в сапогах. Вскоре он, позевывая и потягиваясь, возник в дверном проеме. Его глаза были закрыты синими очками, какие обыкновенно носили слепые.

– Болит головушка, Павлушенька? – нежно проворковала Вера. – Пан студент не поспу-
дится дать тебе гроши на опохмелку.

– Це гарно! – одобрил слепой. – Шановний паныч пожалеет калеку.

Голубев вынул из кошелька смятую рублевую бумажку, передал ее калеке, который уве-
ренной походкой, словно знал в этом доме каждый вершок, направился к выходу. Тем време-
нем Вера расчищала стол от грязной посуды. Стараясь не глазеть на хозяйку, дерзко раскачи-
вавшую бедрами, Голубев прислушался к ругани, шуму и звону бутылок, доносившимся из-
под пола. На первом этаже располагалась монополька. «Для обитателей притона монополька
под боком является благом, – подумал студент. – Вот и Павлуша по лестнице сапогами гремит.
Быстро обернулся».

Слепой вошел в гостиную. Хозяйка забрала у него наливку и властно велела:

– Ступай на двор. Нам с паном поговорить треба. Под дверью не подслушивай. Вот тебе
трехрядку, играй, чтобы мы здесь слышали.

Слепой взял под мышку гармонию, и вскоре со двора раздались звуки бравурной музыки.

– Ой, люли! Ой, люли! Ой, люли! Се тре жолі!

– Ишь как наяривает! – с гордостью сказала Вера Чеберяк. – Павлуша Француз, так его
здесь кличут. Настоящий француз и по-французски свободно чешет! Жалко мне его, убогень-
кого. Он за свою глупость очи потерял. Вот прикармливаю и обстирываю беднягу. Француз
на гармонию играет, детишкам иной раз игрушки мастерит. У меня такое доброе сердце, что
нет никакого слада. Я на фельдшерских курсах обучалась, мне бы свой кабинет на Фундукле-
вской иметь, а вместо этого лечу здешнюю бедноту.

Хозяйка квартиры вооружилась щеткой и энергично взялась за парадный мундир Голу-
бева. Счищая глину, она продолжала разговор.

– На Лукьяновке про убийство судачат, что не иначе Андриюшкина родня к этому зло-
действию руки приложила.

– Нет, Вера Владимировна, родные не виноваты. Полицию намеренно сбивают с толку.
Я решил частным образом расследовать злодейское преступление. Не далее как сегодня утром
мною обнаружено, что следы ведут на кирпичный завод. Там приказчиком Мендель!

– Он наш сосед, – отозвалась Вера Чеберяк, быстро орудуя щеткой. – Наш дом сороковой
по Верхне-Юрковской, а его хата – номер тридцать второй, за водокачкой. Одно не пойму,
с какого боку тут Мендель? На что ему Андрияша?

– Догмат крови! Убийство на ритуальной подкладке.

– Бабы сказки!

– Вовсе нет! Ваши дети, сами того не подозревая, дали ценные показания против Мен-
деля. По словам девочек, он вел себя подозрительно, а Женя рассказал, что гулял с Андриюшей
в день его исчезновения или, во всяком случае, близко к этому дню. Они постреляли из ружья,
потом Андрияша пошел по своим делам и, видать, попал в лапы Менделя.

– Вы, пан студент, не слушайте сопливых девчонок и глупого мальчишку! С завода их
гоняют, чтобы они не топтали сырые кирпичи. Поверили Женке! Откуда ему знать, когда
Андрияша приходил поиграть? Календаря он не разбирает, чисел не знает. Они с Андриюшей
в прошлом году из ружья пуляли, это ему только кажется, что совсем недавно было. Ну вот,
мундирчик ваш почистила. Теперь вы красавчик на манер офицера гвардии. Заходите, дорогу
знаете. У меня сердце большое, будет час – приглублю. А с Женькой я потолкую по-материн-
ски. Я его, ирода, научу держать язык за зубами!

Голубев вышел из квартиры с твердым убеждением, что тут дело не чисто. Дети Веры
Чеберяк что-то знают, и мать боится, что они проговорятся. Дойдя до водокачки, он решил
умыться холодной водой после ночи, проведенной в пещере. Качнув рукоять насоса, он огля-
нулся. За водокачкой виднелась приземистая хата, отделенная от улицы покосившимся плет-
нем. Калитка со скрипом приоткрылась, и в щель осторожно высунулся чернобородый чело-

век. Студенту хватило мгновения, чтобы узнать приказчика кирпичного завода Менделя. Его лицо было повернуто в том же ракурсе, как лицо неизвестного человека, почудившегося ему в ночной полудреме. Голубев был готов присягнуть, что именно Мендель заглядывал ночью в пещеру.

Глава пятая

1 мая 1911 г.

Черная махина, больше похожая на порожденного железными недрами зверя, чем на творение слабых человеческих рук, медленно катила по рельсам, отдуваясь от долгого бега и фыркающая струями пара. Паровоз втягивался в лабиринт вокзальных путей. На уровне человеческих глаз проплыли ленивые шатуны, медленно вращавшие красные паровозные колеса. Чумазое чудище тяжело ухнуло всем своим нутром и встало. И сразу же на него набросились сотни людей, ждавших в засаде, когда длинное тело зверя вползет в ловушку и испустит последний вздох. Носильщики в белых фартуках с начищенными бляхами на груди в мгновение ока выпотрошили вагоны, уставив свои тележки пирамидами тюков и баулов. Несколько человек тащили из окна тяжеленный кованый сундук, вслух удивляясь тому, как его удалось загрузить при отправлении из Питера.

Железнодорожный вокзал был позорищем Киева. Старое каменное здание, построенное во времена «чугунки», давно обветшало и не удовлетворяло потребностям резко возросшего железнодорожного сообщения. Несколько лет назад старый вокзал разобрали и рядом заложили современное, большое здание. Но пока новый вокзал не поднялся выше фундамента, а для пассажиров было наскоро возведено временное деревянное строение, достойное заолупустанка, но отнюдь не «матери городов русских».

К вагону первого класса спешил импозантный господин, лет сорока с лишним, облаченный в черный мундир судебного ведомства. На зеленого бархата воротниковых клапанах, которые в просторечии именовались петлицами, сверкала золоченая арматура: столп закона и три звездочки в ряд. В судебном ведомстве звездочки обозначали не классный чин, а занимаемую должность. Три звезды на петлицах без просвета свидетельствовали о высоком положении обладателя черного мундира, а красный аннинский крест на шее подтверждал правильность этого предположения. И действительно, импозантный господин с аккуратно подстриженными бородкой и усиками являлся прокурором Киевской судебной палаты, действительным статским советником Георгием Гавриловичем Чаплинским.

Прокурор задрал голову, чтобы заглянуть внутрь вагона, но ничего не увидел, а только не удержал на голове фуражку с эмблемой судебного ведомства, обрамленной дубовыми листьями. Фуражка упала на перрон, открыв взорам редеющие, зачесанные назад волосы. Спутник Чаплинского ловко подхватил фуражку, бережно отряхнул, даже подул на козырек и подал ее с низким поклоном. Прокурор сделал раздраженный жест, но уже в следующее мгновение его нахмуренное лицо озарилось сияющей улыбкой. Со ступенек вагона спускался сухощавый денди, одетый неброско, но очень изысканно. На нем был укороченный пиджак, пошитый по последней моде – без подкладных плеч, с завышенной талией и удлиненными лацканами. Денди воскликнул:

– Ваше превосходительство! Ну, зачем же вы сами затруднились!

– Что вы, ваше превосходительство! Встретить вас почитаю за святую обязанность. Нас ожидает мотор судебного ведомства.

– Вижу, вы отлично устроились. В Петербурге нам, вицам, не приходится и мечтать о подобной роскоши.

– Рад был бы с вами поменяться, – осмелился пошутить Чаплинский.

Нет, никогда бы столичный гость – Александр Васильевич Лядов – не согласился бы поменяться местами с прокурором. «Удивительное дело, – размышлял Чаплинский, направляясь вместе с денди к выходу из вокзала. – Чин у нас одинаковый. Я прокурор судебной палаты, надзирающий за соблюдением закона во всем Юго-Западном крае, он же обыкновенный „виц“,

то есть вице-директор первого уголовного департамента министерства юстиции. А все-таки этот виц обитает на недостижимой для меня высоте».

В прокуроре всколыхнулась давняя обида провинциала, намыкавшегося по столичным канцеляриям. Какое унижение пришлось испытать при общении с министерскими чиновниками! Надо было заискивать перед любым столоначальником, да что перед столоначальником – ему, потомку славного аристократического рода, случалось запанибрата беседовать со сторожами и курьерами в департаменте, угощать их табачком и балагурить с ними, как с ровней. Сколько раз потребовалось съездить в столицу, прежде чем удалось предстать пред светлыми очами начальника отделения личного состава! Хорошо, что начальник отделения оказался любителем анекдотов из еврейского быта, коих Чаплинский знал великое множество. Так, под смачные анекдоты удалось сломать лед отчуждения, а потом дело пошло на лад.

У выхода из вокзала стоял автомобиль, сверкавший лакированным корпусом. Шофер в длинных кожаных перчатках и кожаном шлеме завел мотор. Улица была запружена ломовыми извозчиками, и шоферу приходилось беспрестанно жать на клаксон, то и дело тормозя перед вставшими на дыбы лошадьми. Только свернув на Бибиковский бульвар, автомобиль развил приличную скорость. На лакированных крыльях машины бесконечной перспективой отражались две аллеи пирамидальных тополей. Чаплинский покосился на Лядова, наслаждавшегося южным теплом. По белому лицу вице-директора скользили блики солнечных лучей, легко проникавших сквозь молодую тополиную листву. Встречный поток воздуха растрепал его модную прическу, но он не обращал на это внимание, развалившись на сиденье красной кожи и улыбаясь прогуливающимся по бульвару дамам. Когда автомобиль выкатил на площадь, молодой чиновник по особым поручениям счел своим долгом познакомить столичного гостя с киевскими достопримечательностями.

– Ваше превосходительство, извольте-с обратить внимание на строящийся рынок на Бессарабке. Стеклянная крыша-с, как в Париже. Местный крез Лазарь Бродский оставил в своем завещании полмиллиона рублей на строительство рынка.

Крытый рынок был почти полностью закончен, шли отделочные работы, на фасадах устанавливались пасторальные рельефы, изображавшие селян с быками и молочниц. Решетки ворот украшала дичь, взлетающая с озерной глади, и даже заклепки были выполнены в форме цветов.

– Модерн, новомодный югенд стиль, – с брезгливой гримасой заметил вице-директор. – В Москве толстосумы также увлечены модерном, понастроили доходных домов в виде ящичков из-под мыла и радуются. Слава Богу, в Петербурге пока предпочитают благородную классику.

Между тем мотор выкатил на Крещатик. Глядя на разноцветные фасады домов, Чаплинский подумал, что изогнутый Крещатик, которым так гордятся киевляне, не представляет ничего занимательного для столичного гостя, привыкшего к прямому как стрела Невскому проспекту. В самом начале Крещатика высились три восьмиэтажных здания, принадлежащих банкам; вся остальная застройка была четырехэтажной. Зелень довольно скудная, посередине улицы шли трамвайные рельсы с путаницей проводов над ними. Одно было хорошо: широкие светлые тротуары, по которым текла беззаботная толпа. Вскоре мотор свернул на Александровскую улицу. Вдоль неё тянулся Царский сад, и аромат цветущей сирени перебивал запах выхлопных газов. Лядов весело рассмеялся, отмахиваясь от глянцевого майского жука, жужжавшего над его головой. Внизу показался Днепр, и автомобиль осторожно пополз вниз по серпантину спуска.

– Какие кручи! – удивился Лядов.

– Киев вообще расположен в разных плоскостях, – кивнул Чаплинский, уцепившись за спицу запасного колеса, подвешенного снаружи.

Автомобиль выкатился на деревянный настил моста, промчался до самого конца и резко затормозил, вызвав у Чаплинского приступ морской болезни. Ему даже почудилось, будто авто-

мобиль пошатывается, хотя едва ощутимый ветерок вряд ли бы смог раскачать широкое деревянное полотно, подвешенное на толстых, в руку взрослого человека, цепях. На мосту никого не было, кроме городского, облокотившегося на полосатый шлагбаум.

Чиновник по особым поручениям крикнул:

– Нам надобно в Слободку.

Куривший толстую сигарку городской, даже не повернув головы, прогудел:

– Шукайте лодку.

Чиновник вскипел, крикнув, что городской, верно, не понял, что перед ним его превосходительство господин вице-директор департамента и его превосходительство господин прокурор судебной палаты. Услышав об их превосходительствах, полицейский подтянулся, но сигарку не бросил и упрямо повторил, что лодки тоже нема. Ничего не оставалось иного, как дожидаться полицмейстера. Чиновники подошли к перилам посмотреть на залитую водой Слободку. Судя по грязным отметинам на выбеленных стенах хат, половодье уже пошло на убыль, однако вода все еще доходила до окон. Обитатели Слободки передвигались по затопленным улочкам на лодках.

– Напоминает Венецию, не правда ли? – заметил вице-директор.

В прошлом году Чаплинский по своему обыкновению провел отпуск на Женевском озере, а потом решил съездить в Венецию. Знаменитые каналы оказались вонючими сточными канавами, кирпичные стены палаццо были обшарпаны, да еще во время плавания на узкой и неудобной гондоле прокурора жестоко искушали комары, такие огромные и свирепые, каких ему еще не доводилось встречать. Но откровенно сказать об этом, означало бы зарекомендовать себя невеждой, не способным ценить прекрасное, и Чаплинский поспешил согласиться, что Предмостная слободка – точь-в-точь Венеция, а мальчишки на самодельных плотиках лавируют между домами словно заправские гондольеры.

По деревянному настилу громко забухали подковы. Из коляски, запряженной могучими гнедыми рысаками, ловко выпрыгнул киевский полицмейстер полковник Скалон, на ходу бросивший вытянувшемуся в струнку городскому:

– Две лодки, живо!

– Есть, ваше высокобродие! – козырнул городской и кинулся в ивовые заросли под мостом, путаясь от усердия в подвешенной на поясе шашке.

Пожав руку вице-директору, полковник заговорил на волнующую его тему.

– Просветите нас, провинциалов. До каких пор будут терпеть «Царицынское сидение»? Что себе позволяет дерзновенный монах!

Чаплинский понял, что полковник имеет в виду иеромонаха Илиодора, одного из видных деятелей Союза русского народа. Став настоятелем монастырского подворья в Царицыне, он поклялся превратить развратный портовый город в цитадель православия. Пылкие выступления Илиодора привлекали тысячи верующих. На подворье было выставлено чучело дракона, олицетворявшее гидру революции, и по окончании проповеди Илиодор, как Георгий Победоносец, пронзал дракона копьем. В одной из галерей иеромонах повесил портрет Льва Толстого, и каждый богомолец должен был плевать на главного безбожника и богохульника. Куда бы ни направлялся Илиодор, следом за ним с возгласами «Прочь с дороги! Русь идет!» шествовала возбужденная толпа. Попавшихся навстречу интеллигентов мазали дегтем. Чтобы прекратить безобразия, губернатор приказал стянуть к подворью войска. Однако войскам приказали снять осаду. «Царицынское сидение» кончилось победой церковного мятежника. Такой странной развязке и удивлялся полицмейстер Скалон.

– Куда смотрят власть предержажшие? – рокотал полковник, – Сумасшедший иеромонах публично заявляет, что все министры сплошь жулики и проходимцы, коих надо еженедельно драть розгами, а Председателя Совета министров Столыпина следует пороть сугубо – по средам и пятницам, чтобы помнил постные дни.

Вице-директор с улыбкой заметил, что сам Петр Аркадьевич по данному поводу сказал, что Илиодор совершенно прав в своих исходных положениях: ведь интеллигенция, как Панургово стадо, идет за врагами отечества, да и граф Толстой разве не являлся при жизни апостолом анархизма? Петра Аркадьевича печалит лишь то, что безумный монах дискредитирует правильные идеи.

– Тронуть Илиодора невозможно, потому что он дружен с одной особой, – тут Лядов перешел на конфиденциальный шепот. – Иеромонах принимал его на монастырском подворье и сам гостил в Тобольской губернии.

Бравый полковник усиленно моргал белесыми ресницами, морща лоб и явно не понимая намеков. Чаплинский же сразу догадался, о ком говорит вице-директор. Когда он бывал в Петербурге, в министерских приемных шептались о каком-то сибирском старце с двусмысленным прозвищем – не то Блудкин, не то Распуткин. Уверяли, что он с помощью грубого шарлатанства якобы втерся в доверие к августейшей чете. Чаплинскому было трудно представить, чтобы к полуграмотному юродивому прислушивались государь, прошедший курс наук у лучших профессоров, и государыня, воспитанная при дворе своей английской бабушки королевы Виктории. Но Лядов, по-видимому, не сомневался, что Илиодор остался безнаказанным благодаря заступничеству тобольского приятеля.

Пока Чаплинский размышлял о столичных интригах, на мосту показался закрытый черный автомобиль. Приехали прокурор окружного суда Брандорф и следователь Фененко. Вслед за автомобилем появился экипаж начальника сыскной полиции Мищука. Несколько минут ушло на взаимные представления и поклоны, затем судебные чины и полицейские сели в две плоскодонки, которые пригнал городской, и поплыли в слободку. Руководствуясь указаниями Мищука, нашли хату, в которой обитала семья убитого мальчика. Вице-директор заглянул в подслеповатое окошко и задумчиво протянул:

– Н-да... мне кажется, в такой тесноте затруднительно совершить кровавое убийство, не переполюшив всей округи.

Припавший к окошку Чаплинский должен был согласиться с этим выводом. Хата имела единственное помещение с печкой посередине, причем хозяйскую половину и угол, который снимали родители Ющинского, разделяла только ситцевая занавеска. Рабочий сундучок переплетчика и остальной убогий скарб плавал в грязной, замусоренной воде. Лядову захотелось побеседовать с четой Заблоцких, которым принадлежала хата. Лодки направились на окраину Предмостной слободки, где в трех десятках еще незатопленных домов ютилось все оставшееся без крова население. Старуху Заблоцкую нашли без труда. От старика, бывшего солдата пограничной стражи, не удалось добиться толку, зато его жена решительно заявила, что в их хате даже цыпленка невозможно зарезать, чтобы не услышали соседи. Она упрямо твердила, что Андрюша ушел в Киев.

– Пашка Пушка бачил и дивчина теж бачила. Розпитайте их, – старуха ткнула пальцем в хлопца и дивчину, стоявших недалеко от лодки.

Брат и сестра Пушки сначала дичились и отнекивались, но постепенно успокоились и рассказали, что до наводнения жили рядом с Цепным мостом. Рано утром 12 марта – Павел Пушка запомнил этот день, потому что была суббота – он увидел Андрея, направлявшегося к мосту. Павел затруднился сказать, в каком часу это было, но его сестра, отправившаяся с утра пораньше на базар и встретившая Андрея Ющинского у Цепного моста, предположила, что было часов шесть или четверть седьмого, так как базар оживал примерно в это время. Мальчик был одет в пальто и нес перевязанные ремешками учебники. По бедности он не имел ранца.

– Итак, Ющинский ушел из дома живым и невредимым. Почему вы скрыли важный факт от дознания? – обратился вице-директор к свидетелям. – Если бы вы сказали правду, мать Ющинского не арестовали бы.

– Мы говорили, – в один голос воскликнули брат и сестра. – Тильки сыщик сказал, шо колы мы бачили Андриюшу, мы заедино с убийцами.

– Кто вам сказал такую глупость? – изумился Лядов.

– Та вин же, – брат и сестра показали на Мищука.

– Они все перепутали, – смутился тот.

Лядов внимательно посмотрел на Мищука, потом обернулся к Чаплинскому и сказал, что в Слободке они все осмотрели, пора возвращаться в Киев. Пусть господин прокурор палаты позаботится, чтобы малолетним свидетелям не угрожали. Мысленно Чаплинский ругал последними словами начальника сысного отделения, поставившего его в неловкое положение перед петербургским вице-Полицмейстером, видно, испытывал те же чувства, потому что, подойдя к прокурору и кивнув в сторону Мищука, презрительно скривился.

– И зачем его перетасили в Киев? Будто своих сыщиков не хватает! Морочит нам головы лекциями про Ломброзо и прочих итальяшек. Сейчас я ему покажу!

Полковник Скалон не привык откладывать дела в долгий ящик. Он пригласил Мищука в свою лодку, и вскоре над торчащими из воды плетнями загремел его сердитый начальственный рык. Вторая лодка, в которой разместились чины судебного ведомства, шла значительно тяжелее и далеко отстала. Впереди над отвесным обрывом парили белые строения Печерской лавры, и золотые маковки церквей нестерпимо сверкали на солнце. Под берегом плюхал большими колесами пароход. Картина была умиротворяющей, но судебным чиновникам некогда было любоваться природой. Они разговаривали о своем. Когда вице-директор вскользь заметил, что первое сообщение об убийстве Ющинского было опубликовано в петербургской «Земщине», прокурор Брандорф вскипел:

– Гнусная погромная газетенка.

Лядов сухо заметил, что о политической физиономии «Земщины» спорить не намерен, однако, руководствуясь означенной газетной заметкой, крайне правая фракция Государственной думы внесла срочный запрос о ходе расследования. Собственно, он откомандирован в Киев как раз после горячих думских дебатов. Чтобы коллеги по судебному ведомству почувствовали, до какой степени в Петербурге накалена атмосфера, он прихватил стенограмму выступления лидера фракции крайне правых Маркова-второго. Вице-директор покопался в кожаном портфеле, вынул листок и зачитал: «Наша детвора, гуляющая на солнце, веселящаяся в садиках, каждую минуту может попасть в беду, к ней может подкрасться с длинным кривым ножом жидовский резник и, похитив резвящегося на солнышке ребенка, утащить его к себе в жидовский подвал».

– Господи! – ахнул Брандорф. – Неужели этот бред произносится с трибуны Государственной думы?

– Свобода слова не только для левых. Впрочем, эту часть речи господина Маркова я пропущу за ненужностью. А вот это интересно, так как касается непосредственно киевской магистратуры: «Нам только объявили от имени правительства, что беспокоиться уже нечего; уже судебный следователь Фененко приступил к делу, что над ним парит господин прокурор судебной палаты и что мы можем теперь заснуть. Но мы-то знаем, что этот самый парящий над следствием прокурор палаты уже требовал от киевских властей, чтобы не была допущена панихида по злодейски умерщвленному христианскому юноше. От такого парящего судебного орла мы вряд ли многого дождемся». Благоволите разьяснить историю с панихидой, – потребовал Лядов.

Чаплинский начал объяснять, что он всего лишь хотел принять меры для предотвращения массовых беспорядков. По его просьбе губернатор вызвал руководителей патриотических организаций и рекомендовал им отменить панихиду. К сожалению, от губернатора они направились напрямиком к генерал-губернатору, и панихида была разрешена. После панихиды произ-

носились подстрекательские речи, причем, по агентурным данным, особенно отличился студент Голубев.

– Господа, – твердо сказал вице-директор, – я вынужден указать на совершенно неудовлетворительную постановку сыскного дела и настоятельно рекомендую передать полицейское дознание в более опытные руки.

Брандорф заметил:

– Просчеты начальника сыскного отделения Мищука объясняются тем, что он недавно в Киеве и не успел завести надежных осведомителей. Лучше всего усилить дознание путем привлечения сыщика Красовского, досконально знающего киевский преступный мир. В настоящее время Красовский служит становым приставом в Сквирском уезде, но его можно откомандировать в распоряжение полицмейстера.

– Так и сделайте. Мищука отстранить, вызвать этого вашего Красовского, – распорядился вице-директор, когда лодка подплыла к Цепному мосту.

Чиновники поднялись по ступенькам и расселись по моторам. Едва машина с вице-директором и прокурором палаты двинулась с места, Лядов неодобрительно заметил.

– Ваши подчиненные, видать, либералы.

– Я, ваше превосходительство, вовсе не разделяю их взглядов. Сам я скорее консерватор, – поспешно ответил Чаплинский.

– Так будет понадежнее. Конечно, черносотенная пресса коробит своей бесцеремонностью, но знаете ли вы, что на письменном столе государя императора всегда лежит свежий номер «Земщины»? И если правые депутаты вас бранят, то, поверьте, это очень и очень серьезно.

Чаплинский взмок от волнения. В душе он проклинал несправедливую судьбу, подкинувшую ему такое кляузное дело сразу после назначения, когда он еще не успел ни осмотреться, ни узнать людей. Только не хватало испортить отношения с министерством юстиции и поломать карьеру, улыбнувшись ему после многих лет прозябания на второстепенных должностях! Он подумал, что надо срочно отвлечь гостя, и когда они доехали до здания судебных установлений и вошли в прокурорский кабинет, он подвел вице-директора к окну, показал на памятник Богдану Хмельницкому с надписью на постаменте «Волим под Царя Восточного Православного» и попросил позволения ознакомить его превосходительство с одним историческим или, точнее, генеалогическим анекдотом.

– Мой предок, чигиринский подстароста Данило Чаплинский, отбил у своего соседа Богдана Хмельницкого его возлюбленную Гелену. Они долго соперничали за её сердце, а она не знала, кому отдать предпочтение. Жила невенчанной с Богданом, потом вышла замуж за моего предка и стала Геленой Чаплинской. Она была довольно ветреной женщиной. Не случайно сенаторы в Варшаве, куда ездил жаловаться Богдан Хмельницкий, увещевали его: «Стоит ли, пан сотник, жалеть о такой особе! Свет клином не сошелся!» Но Богдан не унимался. Поднял восстание против поляков, стал гетманом войска Запорожского и положил Малороссию к ногам царя Алексея Михайловича. Гетман обвенчался с Геленой Чаплинской при живом муже. Правда, казацкое окружение терпеть не могло «ляшку». Однажды, когда Богдан был в военном походе, его сын от первого брака Тимошка, отличавшийся необузданным нравом, велел содрать с мачехи платье и повесить ее голой на воротах.

– Какие страсти бушевали в семнадцатом веке! – заметил Лядов

– Да-с! Данило Чаплинский мог приказать своей дворне заковать Богдана в цепи, а его потомок смотрит из окна под хвост гетманскому коню. Вместо Речи Посполитой теперь Привислинские губернии, а Чаплинские верой и правдой служат русскому государю.

Лядов со смешком сказал, что анекдотец забавный. Он готов признать, что десница Москвы была тяжка для поляков, зато поляки сполна отомстили русским. На недоуменный вопрос прокурора, чем же отомстили, вице-директор пояснил:

– Поляки дали нам евреев.

«Остроумно!» – согласился Чаплинский. Действительно, после трех разделов Речи Посполитой в русское подданство отошло более половины евреев всего мира. Лядов немного помолчал, как бы обозначая, что пора переходить от разговоров к делу, потом словно невзначай сказал:

– Кстати о евреях. Его высокопревосходительство господин министр юстиции определенно уверен, что убийство Ющинского имеет ритуальную подоплеку.

С мнением министра юстиции, высказанным вице-директором, спорить не приходилось, и прокурор постарался ответить в сугубо дипломатической форме:

– В Киеве о ритуале толкует лишь студент Голубев.

– Кстати, вы во второй раз упоминаете его фамилию. Чем он вам досадил?

Чаплинский с нескрываемым раздражением рассказал, как на днях Голубев заявился к епископу Павлу, викарию Киевской епархии, с петицией на высочайшее имя о выселении из Киева трех тысяч евреев. Если его превосходительству угодно, он может лично побеседовать с Голубевым и убедиться, что студент всего лишь мальчишка, играющий в сыщика.

– Хорошо, пригласите его! – согласился вице-директор. – Мне также необходимо поговорить с судебно-медицинскими экспертами.

– Можно обратиться к профессору Сикорскому, – предложил прокурор.

– О, Сикорский – психиатр с мировым именем, – заметил вице-директор. – Нам повезло, что он киевлянин. Нельзя ли назначить встречу?

Чаплинский вызвал дежурного чиновника и распорядился телефонировать профессору Сикорскому. Аппарат в прокурорском кабинете был старой конструкции с двумя трубками на круглой подставке, на которой было выгравировано: «Убедительно просим не слушать ртом и не говорить ухом». Пока чиновник энергично накручивал ручку аппарата, Чаплинский думал, что консультация Сикорского будет весьма полезной. Ему, прокурору, неудобно спорить с вице-директором, а вот профессор, несомненно, поднимет на смех ритуальную версию. Чиновник сообщил, что господин профессор на проводе. Чаплинский приложил к уху металлический рожок и услышал прерывающийся старческий голос:

– С завтрашнего дня я занят в экзаменационной комиссии. Если дело не терпит, не угодно ли пожаловать ко мне прямо сейчас.

Чаплинский, стараясь не касаться губами фильтра, сказал в трубку:

– Добже, пан профессор. Мы приедем.

Через двадцать минут автомобиль судебного ведомства уперся медным радиатором в ворота высокого кирпичного дома на Большой Подвальной. Семья профессора занимала два этажа, а третий был отведен для пациентов. На воротах красовались две таблички: «Заслуженный профессор университета святого Владимира И. А. Сикорский» и «Врачебно-педагогический институт для умственно-отсталых и нервных детей». За трехэтажным домом угадывалась обширная усадьба. Откуда-то из-за деревьев доносился треск, такой громкий, что не было слышно сигнала, который несколько раз дал шофер. На секунду все стихло, шофер снова проигналил, и ворота приоткрылись.

Чаплинский крикнул дворнику, что они приехали к господину профессору, но его слова потонули в возобновившейся громкой пальбе. Дворник отчаянно махнул рукой, широко распахнул ворота и жестом показал на железную крышу сарая за усыпанными белыми лепестками яблонями. Автомобиль медленно покотил к сараю в глубине сада. Душераздирающая трескотня раздавалась именно оттуда. Чаплинский заткнул уши. Внезапно рев стих, и прокурор с некоторой опаской поднял голову. В саду стояла мертвая тишина, только в дальнем углу несмело пискнула пичуга. Прокурор и вице-директор вошли в сарай, уставленный диковинными механизмами. Вокруг чадающего мотора возились несколько человек. Один из них, юноша в потертой кожаной тужурке, осведомился, что им угодно.

– Э, э... вы профессор Сикорский? – с сомнением спросил прокурор.

– Я Игорь Сикорский, а вам, верно, нужен мой отец Иван Алексеевич. Дворник перепутал и направил вас сюда. Я проведу вас к отцу.

Чаплинский, которого подташнивало от клубившихся в сарае выхлопных газов, поспешно устремился к выходу, но Лядов заинтересовался странным сооружением в углу сарая. Стальная рама с натянутыми на ней фортепианными струнами поддерживала две вертикальные трубы, на которых были укреплены винты с деревянными лопастями.

– Что это?

– Геликоптер, род летательного механизма, – пояснил молодой Сикорский.

– Новое слово в воздухоплавании?

– Отнюдь нет! Мысль о таком аппарате впервые встречается более четырехсот лет назад у Леонардо да Винчи. На одном из его рисунков изображен геликоптер с винтами, вращаемыми человеком с помощью рукояток. Геликоптер имеет одно весьма ценное преимущество перед аэропланом: он может взлетать и садиться на крыши домов внутри города, на палубу корабля, на самую небольшую площадку, во двор и так далее; тогда как для аэроплана необходимо иметь большое ровное поле, по крайней мере треть версты в длину и немногим меньше в ширину.

– Неужели эта штука летает?

– Поднимается, но только без пилота. Не улыбайтесь, это громадное достижение. Первый и единственный экземпляр, способный оторвать от земли собственный вес. Впрочем, я в геликоптерах разочаровался, их время еще не пришло. Мое новое детище, – он с гордостью показал на решетчатую конструкцию, напоминавшую положенную на бок этажерку. – Биплан С-4, то есть четвертая модель Сикорского. По поручению киевского общества поощрения воздухоплавания мы собираемся принять участие в перелете Москва-Петербург.

– У вас замечательное увлечение! – похвалил юношу вице-директор и, завидев на его груди значок «Двуглавого орла», добавил. – Вкупе с похвальными патриотическими чувствами!

Выйдя из сарая, молодой Сикорский бросил восхищенный взгляд на автомобиль, который привез гостей.

– Ого, «Руссо-Балт»! У этой модели подвеска задней оси на трех взаимосвязанных полуэллиптических рессорах, двух продольных и одной поперечной. В двигателе применен алюминевый сплав. Производство Балтийского вагонного завода. Эх, им бы еще аэропланами заняться!

Когда они вошли в дом, Чаплинский поразили бесчисленным книжным шкафом, занимавшим все комнаты. Такие же книжные шкафы заполняли просторный кабинет, куда их привел сын профессора. Он попрощался и оставил гостей наедине с отцом. Профессор Сикорский был высохшим от возраста старцем с пергаментной коричневой кожей на дряблом морщинистом лице. Он говорил еле слышным, прерывающимся шепотом. Только пронзительные голубые глаза старика сохраняли молодую чистоту и ясность.

– Мы имели удовольствие познакомиться с вашим сыном, – поклонился Лядов.

– А, Игорек! Он всего лишь студент Политехнического института, но уже составил себе имя в воздухоплавании. Он великий труженик. Если мои ассистенты говорили, что у профессора Сикорского сорок восемь часов в сутках, то у Игорька их вдвое больше. Его называют «русским Фарманом», хотя Игорь не любит иностранщины и мечтает строить летательные машины для воздушных просторов нашего Отечества.

Вице-директор любезно заметил, что поражен огромной библиотекой профессора. Сикорский явно оживился и рассказал, что начал собирать книги еще в молодости. Однажды в его комнату забрались воры и украли всю одежду, так что буквально не в чем было выйти на улицу. Он просидел взаперти целую неделю, пока случайно не зашел товарищ и не одолжил свои брюки. И все-таки Сикорский был безмерно счастлив тем, что воры не польстились на его

книжные сокровища. Сейчас в его библиотеке сорок тысяч томов по всем отраслям знаний. Под книги, им самим написанные, выделена целая полка. Его труды переведены на все европейские языки, причем монография «Душа ребенка» выдержала четырнадцать изданий.

– Чужая душа, как говорится, потемки, – вздохнул Лядов. – Трудно вам, психиатрам. Чем измерить человеческие чувства?

– А вот этим, – уверенно сказал Сикорский, указывая на небольшой прибор, стоявший на письменном столе. – Это, извольте видеть, сфигмометрический аппарат Рива Риччи, посредством коего измеряют артериальное давление. Есть еще пневмограф для измерения дыхания, динамометр и множество других приспособлений. Душа изъясняется с окружающим миром на языке сосудодвигательных, дыхательных и полиглангулярных экспрессий, которые фиксируются приборами в виде кривых. Смею заверить, что если вы получите известие о производстве в следующий чин, кривая будет иметь одно начертание, если же вас обойдут по службе – кривая изменится. Образные выражения «камень лежит на сердце» или «сердце играет» являются буквально верными и вполне исчисляемыми. Впрочем, сие долгий разговор. Насколько я понимаю, вас, господа, привело ко мне дело Ющинского?

– Возникла версия, что преступление совершил душевнобольной. Нас интересует ваше авторитетное мнение, могло ли такое случиться? – спросил Чаплинский.

Профессор отвечал едва слышным голосом, медленно выговаривая каждое слово:

– Теоретически рассуждая, тщательно обдуманное убийство могло быть делом рук параноика, которые в начальный период болезни, как правило, сохраняют ясность ума, память и силу воли. Все это, вместе взятое, обеспечивает им возможность не только создавать, но и обрабатывать свой бред, доводя его до высшей степени отделки, какой не наблюдается при других психозах. Однако это не имеет отношения к данному преступлению, ибо характер нанесенных мальчику ран доказывает, что злодеев было несколько. И в этом я солидарен с профессором Оболонским, производившим вскрытие. Разница лишь в том, что господин декан говорит о двух или трех убийцах, а я пришел к выводу, что их было шестеро.

– Шестеро?! – в один голос воскликнули прокурор и вице-директор

– Как минимум шестеро, – подтвердил профессор, – потому что, судя по техническому совершенству нанесения ран, мальчик удерживался в состоянии абсолютной неподвижности.

После некоторого раздумья Чаплинский высказал предположение:

– Быть может, действовала группа душевнобольных?

Сикорский, едва заметно усмехнувшись в седые с желтоватым отливом усы, пояснил, что данная гипотеза выходит за грань возможного. Вероятность образования сплоченной группы больных с совершенно идентичными душевными расстройствами равна нулю. К тому же раны были нанесены уверенной и спокойной рукой, которая не дрожала от страха и не преувеличивала силы движения под влиянием гнева. Здесь чувствуется почерк людей, выполнявших привычную и рутинную работу.

– Так, так! – встрепенулся Лядов.

– Я давно начал собирать материалы по аналогичным делам, – шептал Сикорский. – Сначала они заинтересовали меня только как тема для монографии, посвященной массовым бредовым состояниям, однако по мере углубления в эту область я делал все более неожиданные и удивительные открытия. Лет десять назад я систематизировал разрозненные факты и... – тихий голос профессора пресекся, но потом он овладел собой и продолжил. – Что скрывать! Я испугался и засунул свои материалы в самый дальний ящик стола. Не хотелось прослыть ретроградом, а то и сумасшедшим. Но нельзя же вечно хранить молчание! Я говорил декану Оболонскому, что нам, старикам, уже нечего бояться – жить осталось совсем ничего. Увы, я не смог его убедить. Не смею его осуждать, но сам молчать не намерен.

Профессор откинулся на спинку кресла и, казалось, погрузился в дрему, прикрыв пергаментными веками глаза и сложив на груди непомерно крупные кисти рук, покрытые узловатой

паутиной жил и сосудов. Однако он не спал. Его обвисшие усы дрогнули, и он начал говорить еле слышным голосом:

– Это одинаково в любой стране. Когда обнаруживается зверское убийство, происходит наведение на ложный след. Всеми способами, в первую очередь путем подкупа, стараются воспрепятствовать доведению такого дела до суда. Как по команде раздается хор голосов, утверждающих, что это обычное уголовное преступление, которое вовсе не должно привлекать внимание общества. Одновременно с этим, умело и зачастую успешно, направляется подозрение то против родных убитого, то против его единоверцев и единоплеменников.

– Ради Бога, не томите! Ваше мнение, кто это делает? – спросил Лядов.

Профессор отвечал монотонным бесстрастным голосом:

– Подобные преступления должны быть объяснены расовым мщением такой народности, которая, будучи вкраплена среди других наций, проявляет в них черты своей расовой психологии и время от времени совершает злодеяния, весьма сходные между собой по своим исключительным особенностям. Это мщение названо профессором Леруа-Болье «вендеттой сынов Иакова».

При последних словах Чаплинский буквально подпрыгнул на стуле. По телу пробежала мелкая дрожь. Лядов расспрашивал Сикорского, задавал вопросы, но прокурор уже ничего не слышал. В его ушах не переставал звучать тихий монотонный шепот: «вендетта сынов Иакова... вендетта сынов Иакова... вендетта сынов Иакова...»

Глава шестая

6 мая 1911 г.

Дверь кабинета была чуть приоткрыта. Владимир Голубев вошел на цыпочках, стараясь не шуметь. Старый профессор, склонившись над толстым фолиантом, водил указательным пальцем по строчкам. Юноше пришлось негромко кашлянуть, чтобы обратить на себя внимание отца.

– А, это ты, Володенька! Глаза устают, – вздохнул профессор, спрятал в карман лупу и невесело пошутил: – Я нынче «стар стал и на очи юж». Ты чего?

– Хочу расспросить о ритуальных убийствах. Мне дали один латинский манускрипт, – студент протянул свиток.

Профессор бегло просмотрел рукопись.

– Ну и что? Это так называемое Житомирское дело. Довольно известное.

– Известное!? – разочаровано протянул Владимир. – А мне сказали, что это редчайший документ.

– Редчайший? Вот и нет! – профессор ухмыльнулся в бороду. – Декрет коронного суда, рассматривавшего Житомирское дело, был разослан для оглашения по всем монастырям и костелам. Сохранилось множество копий, одну из которых ты держишь в руках. Процесс затеял католический бискуп-коадьютор Киевский и Черниговский Гаэтан Солтык, ярый гонитель не только иудеев, но и православных. Обвинение утверждало, что сам Господь непременно указал на виноватых, ибо, когда тело ребенка несли мимо еврейской корчмы, из его ран начала сочиться кровь. Толпа схватила евреев, арендовавших корчму. Их отдали в руки палачам и подвергли страшным истязаниям. Первым не выдержал некий Зевель; ведь жестокие мучения, на которые были столь изобретательны ляхи, только наши предки-казаки могли вынести без единого стога, а где уж слабосильным жидам! Под пыткой малодушный Зевель возжелал принять католическую веру, а вслед за ним признания были вырваны у остальных обвиняемых. В Житомире до сих пор сохранилась братская могила казненных, коих почитают невинно замученными. Через несколько лет польскому еврею Якову Селеке удалось добраться до Ватикана и подать в папскую канцелярию жалобу на жестокие преследования. Дело рассматривал советник инквизиции Лоренцо Ганганелли, будущий папа Климентий XIV. Он запросил объяснения у польских епископов и нашел их совершенно неубедительными. Папский нунций в Речи Посполитой обратился к королю и магнатам с увещанием не устраивать бездоказательных судилищ, подобных Житомирскому. Что же касается епископа Солтыка, то после раздела Речи Посполитой матушка императрица Екатерина Великая сослала его в Калугу за постоянное противодействие русским интересам. Вот так-то, Володя!

Профессор вернул сыну свиток и вновь углубился в свой фолиант. Студент размышлял над его словами. Отец всегда был для него непререкаемым авторитетом, но сейчас в Голубеве-младшем шевельнулось сомнение. Не то чтобы он усомнился в отцовских знаниях, нет, он бы никогда этого не посмел. Однако Владимир знал пристрастное отношение отца к документам польского происхождения. Профессор был историком южнорусской церкви, настрадавшейся за несколько веков польского владычества, и не мог простить католикам жестоких гонений на диссидентов, как называли исповедовавших православие в Речи Посполитой. Нелюбовь к полякам была в крови у потомка малороссийских хлебопашцев. Поэтому студент решил не возвращаться к щекотливому вопросу о католическом правосудии, а расспросить о ритуале.

– Батюшка! – окликнул он отца. – Народная молва обвиняет жидов в ритуальных убийствах. А что говорит по этому поводу наука?

– Отошлю тебя к записке Владимира Даля, автора толкового словаря живого великорусского языка. На основании архивных материалов Даль составил записку, предназначенную для узкого круга лиц – для великих князей и высших сановников. Было отпечатано несколько десятков экземпляров, за которыми началась настоящая охота. Евреи скупили и уничтожили почти весь тираж. Через два десятка лет было решено переиздать книгу Даля, но наборщик-иудей похитил оригинал и скрылся. Впрочем, в моей библиотеке сия редкость имеется.

Профессор с гордостью снял с полки маленькую книжечку и подал ее сыну. На титульном листе значилось: «Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их. Напечатано по приказу г. Министра Внутренних Дел. 1844 г.». Владимир перелистал страницы, и ему сразу бросилась в глаза фраза: «Никто, конечно, не будет оспаривать, что в странах, где евреи терпимы, от времени до времени находимы были трупы младенцев, всегда в одном и том же искаженном виде, или, по крайней мере, с подобными знаками насилия и смерти».

– Почтенный автор «Толкового словаря» полагал, что ритуальные убийства являются делом рук кучки фанатиков. Он пишет в заключении, – профессор взял из рук сына книгу, нашел нужное место и прочитал: «Изуверный обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим известен. Он существует только в секте хасидов или хасидым – секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрекшейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут составляет он большую тайну, может быть, не всем известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется». Володя, ты знаешь, кто такие хасиды?

Голубев-младший неопределенно ответил:

– Слышал что-то из географии.

Отец воздел руки к потолку.

– Позор на мои седины! Из гимназического курса географии много не почерпнешь! Да будет тебе известно, что хасидизм – это мистическое течение, возникшее относительно недавно, в середине восемнадцатого века. Хасиды на древнееврейском значит «благочестивые»...

Старый профессор постепенно увлекся и обрушил на голову сына водопад имен и фактов. Студент узнал, что основатель хасидизма Израиль бен Элизер родился в глухом местечке на границе Польши и Валахии. Он был сиротой, потом ему посчастливилось жениться на сестре бродского раввина, но он не сумел ужиться с богатыми родственниками и удалился в глухую деревушку в Карпатах. Бродя по горам, он приобрел познания в свойствах лечебных трав и в возрасте тридцати шести лет поселился в местечке Междибож. Там он «открылся миру» как учитель благочестия, приняв звучное имя Баал Шем Тов (Благой), или сокращенно, по первым буквам – Бешт. Он учил, что божественная сущность разлита во всей вселенной, следовательно, ничто и никто не может быть абсолютно плохим, ибо в каждом человеке есть частица Господа. Он говорил, что достичь слияния с Богом можно не многолетним изучением талмуда, а путем восторженной молитвы.

Брестский раввин Авраам Каценеленбоген гневно порицал последователей Бешта за то, что они «молятся и беснуются, перебегают с места на место, подпрыгивая как козы, раскачиваясь направо и налево; кладут земные поклоны, то опускаясь вниз, то поднимаясь ввысь; на небо восходят, в бездну спускаются, и все для того, чтобы поразить своими действиями простой народ и женщин». Бешт отвечал своим хулителям: «Тот, кто смеется над такими странными телодвижениями, подобен человеку, который стал бы смеяться над судорогами и страшными криками тонущего. Ведь и молящийся, совершая подобные движения, борется с волнами земной суеты, не дающими ему сосредоточиться на Божественном».

Последователи Бешта были в основном людьми небогатыми, простыми арендаторами – «ишувниками». Раввины и богачи презрительно называли хасидов словом «кат», что озна-

чало секта. Бешт предстал перед Ваадам Четырех Стран – Высшим Советом раввинов, которые с пристрастием допытывали его, откуда он взял свою пагубную ересь. В 1772 году виленский раввин Илия Гаон провозгласил «херем», то есть проклятие на хасидов. Правверным иудеям запрещалось вкушать хлеб с хасидами, предоставлять им кров и вести с ними торговые дела. Литовские раввины на съезде в Зельве постановили «вырвать хасидов с корнем, как поклоняющихся идолам». Для последователей Бешта, которого раввины заклеили как «губителя Израиля», вводились строжайшие кары. Была учреждена должность «тайного преследователя», в чьи обязанности входил неусыпный надзор за соблюдением проклятия. Однако тайным преследователем был назначен Моисей бен Аарон Сегал, оказавшийся скрытым хасидом. Он предупреждал единоверцев о принятых против них мерах.

Хасидизм постепенно распространился на Волыни, в Подолии, Литве, Польше, Бессарабии, Румынии и Венгрии. Как и во всяком религиозном учении, в нем произошли значительные изменения. Основатель хасидизма Бешт был простым и доступным человеком, он проповедовал устно и никогда не записывал своих поучений. Не таков был его преемник, честолюбивый талмудист и каббалист Доб Бер Межерический. Хасиды, совершавшие паломничества в Межерич, ждали выхода учителя целую неделю. За это время ловкие слуги Доб Бера выведывали у них подробности их жизни, и вот в субботу появлялся Доб Бер, облаченный в белоснежные атласные одеяния («цвет милости», по каббалистическим представлениям), и поражал паломников чудесной способностью угадывать ремесло и склонности каждого. Хасидские общины подчинялись цадикам – «праведникам». Основываясь на каббалистической формуле «праведник есть основа мира», Доб Бер сделал вывод, что цадик есть не только совершенный и безгрешный человек, но даже равен самому Моисею, ибо является живым воплощением Бога. Власть цадигов стала наследственной, так как один из хасидских авторитетов Элимелех Лизенский сделал смелое заключение, что «сын цадика свят еще от утробы матери, ибо он освящен божественными мыслями своего родителя в момент соития и может называться сыном Бога».

– Видишь ли, Володенька, я не знаток хасидизма, однако читал Григория Богрова, который в своих «Записках еврея» давал уничижительную характеристику духовным руководителям хасидов: «Цадики – это ядовитые паразиты, питающиеся телом и кровью своих бесчисленных жертв; это сеятели суеверия и тьмы; это бессовестные факторы на бирже религии; это коварные посредники между небом и землей; это торгаши райскими продуктами; это неизлечимый рак в наболевшем организме еврейской нации». Однако с течением времени острота разногласий хасидов со своими соплеменниками значительно сгладилась и почти сошла на нет. Когда-то хасидов можно было назвать возмутителями спокойствия, сейчас же они скорее ортодоксы, ревностно соблюдающие религиозные предписания. Насколько мне известно, существуют четыре династии цадигов, – перечислял профессор. – Садагурские, идущие от Доб Бера Межерического, Чернобыльские – потомки Нахума Чернобыльского, Столинские – наследники Аарона Карлинского, и Любавические – от Шнеура-Залмана из Ляд...

Профессор не закончил импровизированной лекции. Дверь кабинета с шумом распахнулась, и на пороге возникла горничная, молодая дивчина, недавно вывезенная с дальнего хутора и непривычная к городским порядкам. Она никак не могла научиться стучаться в двери и вламывалась в комнаты в самый неподходящий момент. Не переставая жевать набитым ртом, дивчина промямлила:

– Який-то пан зпытуе про молодого паньча.

– Какой пан?

– Та це ж вин, – ответила дивчина, тыча пальцем в человека за своей спиной.

Визитер был молодым еще господином в вицмундире, застегнутом на все пуговицы. Он вежливо наклонил голову, разделенную идеально ровным пробором:

– Простите меня за невольное вторжение. Я чиновник по особым поручениям при прокуратуре киевской судебной палаты. Мне поручено пригласить студента императорского университета Владимира Степановича Голубева для беседы с господином прокурором судебной палаты.

– Не пойду! – отрезал Владимир.

– Пардон, как вас следует понимать? – всполошился чиновник.

– С вашим прокурором мне беседовать не о чем. Он сажает невинных людей, а убийцы гуляют на свободе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.